

The book cover features a dynamic illustration of a medieval battle. In the foreground, a knight in full plate armor, including a helmet with a red plume, is mounted on a powerful red horse. He holds a sword aloft in his right hand and a reins in his left. To his left, a warrior with long, flowing white hair and a purple tunic is shown in mid-air, having been thrown or leaping. The background depicts a battlefield with other soldiers, a blue flag, and a distant landscape with trees and a hill. A bright lightning bolt strikes the ground near the knight. The top of the cover has a dark blue banner with the author's name in red, and the bottom has a red banner with the publisher's name in white.

**ВЛАДИМИР
СВЕРЖИН**

**ЖЕЛЕЗНЫЙ
СОКОЛ ГАРДАРИКИ**

ЗВЕЗДАНЫ

ЛАБИРИНТ

Владимир Сержин
Железный Сокол Гардарики
Серия «Институт экспериментальной
истории», книга 10

Текст предоставлен издательством «АСТ»

<http://www.litres.ru>

Железный Сокол Гардарики: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва;

2007

ISBN 978-5-17-046522-4, 978-5-9713-6011-7, 978-5-9762-4567-9

Аннотация

Перед вами – очередное дело «лихой парочки» из Института Экспериментальной Истории – отчаянного Вальдара Камдила и его закадычного друга по прозвищу Лис.

Дело о бесследном исчезновении их «собрата по профессии» – Якоба Гернеля, внедренного в окружение Иоанна Грозного под легендой астролога-прорицателя.

Кто же похитил Якоба?

Возможно, подозрительный до паранойи «царев пес» Малюта?

Или, наоборот, – эмиссары шведского короля Эрика?

А может, бедняга и вовсе стал жертвой «внутренних разборок» адептов Королевского искусства?

Вальдар и Лис засылаются в «златоглавый Третий Рим» – и немедленно запутываются в лабиринтах опричных интриг, казачьих махинаций и далекоидущих амбиций Речи Посполитой.

И это – так, банальные будни.

А каковы же будут экстремальные ситуации?!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	30
Глава 3	47
Глава 4	64
Глава 5	82
Глава 6	101
Глава 7	118
Глава 8	135
Конец ознакомительного фрагмента.	141

*Обнаруженный в шкафу скелет в умелых руках
легко превращается в оригинальную подставку для
вашего плаща и кинжала.*

Наставление для домашних умельцев

Пролог

*Наполеон в своей жизни так много работал, что
смог отдохнуть только на святой Елене.*

Из школьного сочинения

Крошка брауни – хранитель моего немудрящего институтского жилища – с укоризной взглянул на воткнувшийся в дверь толедский кинжал и со вздохом поднял маленькие ручки, принимаясь колдовать. Понятное дело, хладное железо его чарам поддавалось довольно слабо – то ли дело древесина, в которой недвусмысленным вызовом общественному вкусу торчал отточенный клинок.

Зная скверную манеру хозяина по возвращении в родные стены срывать зло на ни в чем не повинных предметах интерьера, брауни всякий раз встречал меня, обуреваемый противоречивыми чувствами: с одной стороны, он радовался, что милорду удалось покрыть себя очередным слоем неувыдающей славы, с другой – вздыхал, предчувствуя многочисленные хлопоты. И предчувствие это никогда его не обманывало.

Глубокая рана на двери медленно затягивалась, постепенно выталкивая вредоносный металл. На маленьком личике брауни появились крошечные бисеринки пота. Он стоял, сосредоточенно глядя на медленно колеблющееся оружие, и, казалось, не дышал.

– Ладно, – сказал я, внезапно чувствуя запоздалый укус проснувшейся совести. – погоди, сейчас вытащу.

Произнеся эту великодушную тираду, я уж было начал подниматься с кресла, но тут судьба, караулившая удобный случай в недрах телефонной сети, решила сказать свое веское слово. Бравурная мелодия телефонного звонка взорвала тоскливую атмосферу моего обиталища, как взрывает кавалерийский горн предрассветную тишину, давая сигнал к безудержной сабельной атаке. Брауни вздрогнул, забывая о кинжале, все еще торчащем в двери, и покосился на меня.

– Меня нет, – четко скомандовал я, вновь опускаясь в чипэндейловское кресло. – Я еще не вернулся, уехал на воды в Бат, ушел в монастырь, возможно, даже в буддийский.

Телефон между тем не думал униматься, и музыка его становилась все громче, так что стекла уже начали дребезжать ей в унисон.

– Это невыносимо, – возмутился я, и брауни, сочтя мои слова сигналом к действию, ловко прыгнул на кнопку громкой связи.

– Вас слушает брауни резиденции милорда Уолтера Камдейла, барона Камбертона. Его светлость еще не вернулись,

они отправились на воды в Бат и ушли в монастырь, возможно, буддийский, – бестрепетным голосом праведника изложил все три версии хранитель нашего давно не топленного очага.

Ревностная забота преданного мажордома о моем покое не имела успеха. Уверенный, пожалуй, даже самоуверенный голос из аппарата безапелляционно проигнорировал его слова как несущественные и заговорил насмешливо:

– Так вот, Уолтер, куда б ты там ни ушел, мне на это наплевать с колокольни Святого Павла. Я тебя дождусь, и каждый час ожидания будет стоять тебе бутылки джина. Так что озаботься его приобретением безотлагательно, поскольку в горле у меня пересохло, как в колодеце пустыни после ночевки каравана. Итак, не медли. В этот час я предпочитаю «Бифитер». Все. Отбой связи.

– Вас почтил своим обращением его светлость двадцать третий герцог Бедфордский лорд Джозеф Рассел, – уважительно доложил брауни. – Его светлость звонил из машины.

– Догадался, – поморщился я.

Шум переполненной трассы, доносившийся из динамика громкой связи, безоговорочно свидетельствовал о том, что встреча с другом моего безоблачного детства будет скорой и неотвратимой.

– У нас есть джин? – чуть помедлив, обратился я к малышу брауни, который несравненно лучше меня знал, что можно отыскать в закромах моего холостяцкого жилища, а что

нет.

– У нас есть сосуд с рубиновой насечкой, милорд, – кланяясь, ответил маленький собеседник, за годы проживания со мной так и не отвыкший от подобострастного отношения к звонким титулам. – Ваша милость привезли его из Леванта и утверждали, что там джинн.

Я усмехнулся, вспоминая этот милый сувенир. Когда-то в одном из сопределов мой верный напарник по прозвищу Лис размахивал этим кувшином, точно ручной гранатой, и требовал у ошалевших мамелюков немедленно очистить галеру, или он выдернет пробку, ко всем шайтанам.

Позже, вернувшись в институт, он пытался вывезти сувенир на свою далекую родину, но таможня, сочтя бронзовый сосуд XII века до н. э., запечатанный красным сургучом, национальным достоянием Британии, отказалась пропускать диковину. И с тех пор джинн (или что уж там было внутри) хранился у меня, ожидая часа, когда чья-нибудь неосторожная рука сломает наконец отмеченный соломоновой печатью сургуч.

– Боюсь, этот джин двадцать третьего герцога Бедфордского не устроит, – прокомментировал я.

– Так я распоряжусь? – Брауни покосился на компьютер.

– Да, конечно, – согласно кивнул я.

Оставалось лишь удивляться, как быстро этот родственник гномов научился пользоваться интернет-магазинами и моими кредитками.

Брауни молча согнул спину, отвешивая подобающий случаю поклон. И в этот миг кинжал, уже достаточно выползший из двери, рухнул на пол под собственным весом, предвещающая скорое появление весьма необычного гостя.

Спустя десять минут на пороге возник Джозеф Рассел, живописно задрапированный в клетчатый плед клана Дугласов.

– Скажи, друг мой, – патетически начал он, выбрасывая вверх руку со свернутыми в трубочку бумагами, – я похож на статую Свободы?

– Нет, – честно сообщил я.

– А так? – Герцог достал из кармана дорогущего твидового пиджака в тонкую полоску зажигалку с гербом Бедфордов и поджег импровизированный факел.

– И так не похож, – незамедлительно ответил я, силясь понять, к чему клонит представитель ее величества в Институте экспериментальной истории.

– Какая жалость. – Рассел ткнул догорающими бумагами в заботливо подставленную брауни пепельницу. – Ну, не похож так не похож, спорить не буду. Скажу тебе одно: другой свободы тебе в ближайшее время не видать.

– В каком смысле? – Я резко свел брови на переносице.

– В прямом. В прямом, как земная ось, которая, как известно, протыкает Землю через оба полюса. Вот эти тлеющие останки, – он указал на пепельницу, – твой рапорт об

увольнении.

– Мне не сложно написать другой.

– Его судьба будет абсолютно идентична. Пожалей леса Амазонки, не переводи попусту бумагу. Я не понял, где мой «Бифитер»?! – рявкнул герцог, усаживаясь на стул. – Не трудись чернила тратить. До раздачи автографов ты еще не дорос, но отечество все равно нуждается в своих героях. В общем, Уолтер, к черту меланхолию, вопрос о твоей отставке закрыт на самом верху.

– Да ну. – Я пожал плечами. – А как же речи о том, что по моей вине была провалена операция с графом Бонапартием? Я помню, у определенной части руководства они имели успех.

– Прибавь сюда обвинения в волюнтаризме, авантюризме и нигилизме, – в тон мне продолжил Рассел. – Прибавил? А теперь все это помножь на ноль и забудь. У Наполеона все хорошо. Он там утвердил новый кодекс и во всю прыть занимается возрождением Французской империи после царствования базилевса Александра Дюма. Так что у него все просто замечательно, а вот у нас большая проблема.

– Что такое? – насторожился я.

– Резидент пропал, – сбрасывая беззаботность, словно шелуху, отчеканил Джозеф.

– То есть?

– Работал при дворе русского царя Ивана Грозного. Прикрытие надежное: астролог, алхимик, хиромант. Рядом с

мнительным царем лучше не придумаешь.

– Откуда в Московской Руси астрологи? – поинтересовался я.

– Он приехал из Праги с рекомендательным письмом от императора Максимилиана, а тот, как известно, большой любитель подобных научных изысканий. Здесь вопросов нет. Он очень чисто внедрился и какое-то время прекрасно работал. Да и чего б ему не работать – агент опытейший. Правда, некоторое время корпел над бумагами, так сказать, на руководящей работе, но мастерство не пропьешь. И вдруг – бац! Как в воду канул. Время от времени его средство закрытой связи дает маяк, но не более нескольких секунд. Все точки пеленга находятся на территории России, но каждый раз в новом месте, причем разброс довольно большой.

– Занятно. И как звали беднягу?

– При дворе Ивана Грозного – Якоб Гернель, а в наших стенах... – Рассел сделал паузу, – Джордж Баренс.

– Что? – Я подскочил точно ужаленный.

– То, что ты слышал. Поэтому руководство Института считает целесообразным отправить на поиски тебя и Лиса.

Глава 1

*Чтобы слыть пророком, порой достаточно
просто быть пессимистом.*

Джузеппе Бальзамо

Пар, рвавшийся к небесам из походного котелка, заставлял птиц замолкать, а окрестное зверье напряженно принюхиваться. Лесная полянка, где над веселым костерком булькало аппетитное варево, располагала к беззаботному пикнику и размеренной лени. Впрочем, ни того, ни другого не предвиделось. Заповедный лес, в котором находился наш импровизированный бивуак, среди окрестных жителей считался местом глухим и опасным. И хотя по ночам здесь всю хозяйничали волчьи стаи, а днем кабаны готовы были встать поперек тропы, хотя между густых ветвей таились рыси, и медвежий рев оглашал лесные малинники, те, кому волей судеб довелось жить в этих краях, более всего опасались не дикого зверя. Вот уже полвека здешние места считались спорными владениями, и слуги грозного царя Московии, равно как и сурового короля Речи Посполитой, лили чужую кровь куда чаще, чем бурый лесной хозяин.

Высокий худой мужчина помешал в котелке деревянной ложкой и, потянув дразнящий запах носом, в силу жизненных передраг приобретшим форму латинской буквы S, удо-

влетворенно кивнул и поднял большой палец.

– Эй, ваш-бродь, вернись в семью! Кулеш готов.

Призыв друга заставил меня открыть глаза и отвлечься от сумрачных мыслей, вот уже который час сверливших голову. Человек, исчезновение которого привело сюда нашу поисковую группу, при встрече в шутку именовал меня «дорогим племянником» и, по сути, действительно мог считаться почти родственником. Несколько лет назад, когда я впервые ступил на тернистый путь институтского оперативника, именно Джордж Баренс «принял роды» и обучил азам непередаваемого искусства жить чужими жизнями в иных, порою очень далеких мирах.

Сама мысль о том, что профессионал такого уровня мог где-то фатально проколоться, казалась мне предательством по отношению к нему. Но факт оставался фактом. Алхимик, он же астролог царя Ивана Грозного, бесследно исчез и вот уже неделю не подавал о себе никаких вестей. Если, конечно, не считать таковыми периодические включения маяка, дающие основание думать, что мой «родственник» жив. Но точки засветки сигнала были разбросаны по всей Московской Руси, точно вальжжный лорд Баренс носился от Вологды до Курска и от Суздаля до устья Невы подобно листку, гонимому суматошным ветром.

Откликаясь на зов друга, я поднялся, расстегнул седельную сумку, заменявшую мне подушку, достал небольшой лаптец с серебряным столовым прибором, изысканным подар-

ком принца Людвига Каринтийского своему храброму телохранителю, то есть мне. Вот уже полгода, как его высочество сложил голову в бою с турками, и этот скорбный факт толкал небогатого, но преуспевшего в воинских искусствах ротмистра Вальтера Гернеля искать нового покровителя, способного оценить его (в смысле, мои) многочисленные дарования.

Лис восхищенно поглядел на то, как я зачерпываю кулеш вычурной серебряной ложечкой, украшенной тонкой филигранью, и покачал головой.

– Да, капитан, ну ты даешь. А скажи, водяру при дворе царя Ивана ты из ковша через соломинку тянуть будешь?

– Лис... – Я собрался разразиться небольшой лекцией по поводу того, что аристократом нельзя быть от случая к случаю, и положение обязывает, но...

– Да не, я все понимаю. Порода хуже неволи... – Мой друг желал еще что-то добавить, но внезапно перебил сам себя: – Тихо! Ты слышал?

Попытки вслушаться не принесли сколько-нибудь заметных результатов. Тянувшийся на десятки миль лес устало шелестел под ветром. Где-то в отдалении стрекотали говорливые сойки.

– Послышалось, – предположил я.

– Как бы не так, – отмахнулся Лис, продолжая выслушивать в будничной лесной суеде намеков на угрозу. – Ты этой земли не знаешь. Здесь хошь посреди Днепра кулеш свари,

вмиг чужой рот обозначится. Причем рот-то может быть и один, а жрать будет в три горла.

Точно в подтверждение Лисовских слов наши стреноженные кони как по команде подняли головы и, прядая ушами, заржали, приветствуя близких сородичей.

– Ну! Шо я говорил? – Раздосадованный Лис воткнул ложку в кулеш.

Из леса донеслось ответное ржание. Мой напарник будто невзначай положил руку на эфес богатой персидской сабли, лежавшей у него на коленях.

– Капитан, ты пока не вступай. Я сам перетру, шо до чего, глядишь, и обойдется.

Эти слова были произнесены негромкой скороговоркой, и я, стараясь демонстрировать полное спокойствие, продолжил уплетать кулеш серебряной ложечкой.

– Эй, люди чащобные, – провозгласил во все горло Лис. – Пошто таитесь, аки тати ночные? Коли с добром идете, подходите – с нами попотчуйтесь. А нет – мимо ступайте, не то будет вам от сабли булатной угощение – кровавая водица.

Вдохновенная речь моего друга имела несомненный успех. Стоило лишь смолкнуть встревоженному эху, как из-за ближайших кустов на поляну выступил некто в шароварах, байдане,¹ надетой поверх холщовой рубахи и перехваченной в поясе широким алым кушаком. Лицо незнакомца, по татарскому обычаю, было едва ли не наполовину прикры-

---

¹ Байдана – род защитного доспеха из плоских колец. Не путать с банданой.

то кольчужной занавесью мисюрки,² хотя видимыми чертами лица этот незванный гость мало походил на татарина.

– Вы чьих будете? – не отвлекаясь на приветствия, сурово осведомился незнакомец.

– Бога христианского, веры дедовской, – без промедления ответил Лис. – Да ты сам-то кто? Обзовись по-людски. Небось не святой Петр-ключник, шоб так вот вопросами сыпать.

– Ты, паря, не шуми, – оборвал его неведомый лесовик. – Здесь наш лес и наша правда.

– Да ну? – Лис поднялся во весь свой немалый рост. – А мне батька сказывал, шо в том кругу, где эта сабля пляшет, мое слово завсегда крайним будет.

Собеседник Лиса хмуро потянул из ножен свой клинок, но в этот миг из леса послышался приближающийся конский топот, и на полянку, едва не сбив котелок с обедом, вылетели полтора десятка всадников.

– *О, блин, непруха!* – раздался на канале связи голос Лиса. – *Не додумал я с кулешом. Надо было на базе консервами запастись. Не будет теперь на Москву короткой дороги.*

Всадники – все как один в кольчугах, увешанные оружием, точно елка шарами, – сдерживая горячих коней, топтались у костерка.

– Ну. – Один из них, на большом кауrom аргамакe, сме-

---

² Мисюрка – защитный головной убор, наплешник с бармицей (кольчужным капюшоном).

рив тяжелым взглядом нас с Лисом, обернулся к давешнему гостю. – Вызнал, кто да куда едут?

– По всему видать, лазутчики, – затараторил малый в начищенной байдане. – Особенно тот, – незнакомец ткнул пальцем в меня, – не иначе, как немчина.

– А по-нашенски понимают? – вновь глядя мимо нас, спросил ватажный атаман.

– Тот, у которого носопырка набекрень, – пустился в объяснения специалист по нашей части, – понимает. А тот, другой, который поглаже, как есть чужак.

– Чужаки нам здесь без надобности. – Главарь повернул ко мне тяжелое, в рытвинах оспы, лицо. – Чужаков гетман наказал, коли буйные – на деревьях вешать, а ежели тихие – в острог сажать. А тебя, жердай, как звать-величать? Какого роду-племени?

– Племени местного, – без особой радости оглядывая земляков, четко, без суеты начал мой напарник, – бродник я с Хорола. Во святом крещении звать Сергием, а по прозвищу Лис. Человек я вольный и своего отца сын. Идем же мы с поклоном к славному князю Дмитрию Вишневецкому, коли знаете такого.

Всадники, окружавшие нас, хором заржали под удивленными взглядами собственных коней.

– Ты, бродник, думай, об чем молвишь, – постучал себя по лбу рябой. – Не видишь, что ли, казаки перед тобой.

– Да письма у вас вроде по кольчугам не рассыпаны.

Откуда ж видать?

– Говоришь, к князю Дмитрию шли? – не вдаваясь в полемику, перебил ватажник. – Стало быть, по пути нам. Мы с его двора люди. Сабли и пистолы отдайте. С нами пойдете.

– Ага. Может, и портки вам заодно постирать? Как это сабли сдать? Нешто ты ее мне вешал, чтобы отбирать?

– Не дури, крещеная душа. Без головы останешься. Не поглядим, шо из нашенских.

Я встал, готовясь принять деятельное участие в предстоящем выяснении отношений.

– Погодь, ротмистр, – остановил меня Лис, демонстративно засучивая рукава. Я смотрел на друга и не узнавал его. Во всех наших прошлых операциях, если существовал хоть один способ увильнуть от схватки, можно было не сомневаться, что Сергей не преминет им воспользоваться. Сейчас же он откровенно лез на рожон, причем, как мне казалось, с явным удовольствием.

– Шо ж ты, атаман, к седлу-то прикипел? Вот тебе моя сабля, слазь да бери.

Всадники загалдели, подбадривая жожака. Тот хмуро огляделся и соскочил наземь.

– С огнем шутикуешь!

– Ну так без огня каши не сварить. – Лис распахнул объятия. – Иди сюда, мой сладкий сахар.

Упрашивать ватажника долее не пришлось. Он без промедления выхватил из ножен отточенную, с золотой араб-

ской вязью по клинку саблю.

Заверши он свое быстрое движение, не петь бы Лису больше песен. Да только не судьба была казаку блеснуть ратным умением. Быстрее проворной куницы ушел Сергей под руку атаману, перехватил запястье, крутанулся волчком и встал, посмеиваясь, вращая, точно пропеллеры, оба клинка – свой и атаманский.

Сомневаюсь, что недавний хозяин второй Лисовской сабли успел понять, что произошло, но звериное чутье старого вояки мигом подсказало ему близость смертельной опасности. Рыча недобро, выдернул казак из-за широкого пояса пернач, оскалился хищно и вновь бросился на Лиса. Я подсечкой сбил его с ног, не дав ему нарваться на жала вертящихся в гибельном танце сабель. И хотя сам ватажник, вероятно, не осознал этого, спас его от неминуемой гибели.

Зрители возмущенно загалдели, хватаясь за оружие. Что и говорить, командировка начиналась прескверно.

– *В седло*, – скомандовал я Лису, указывая на атаманского коня и высматривая на ходу, у кого позаимствовать коня для себя.

Прямо сказать, это был слабенький план. Пытаться уйти от полутора десятков взбешенных рубак, да еще на их же земле, ни сном ни духом не ведая, сколько таких казачьих разъездов разбросано по округе, – дело неблагодарное. Но других соображений, как спасти буйны головы, у меня не было.

Однако не зря говорят: «Хочешь рассмешить Всевышнего – поделись с ним своими замыслами». Внезапно живым горбом вздыбилась земля на лесной поляне и вмиг опала, а затем вздыбилась в пяти шагах от прежнего места. Взметнувшиеся на дыбы кони заржали испуганно, едва не выкидывая из седел прильнувших к длинным гривам всадников.

– Чаклун! Характерник!³ – пронеслось над лесом.

И точно в подтверждение этих слов вырвался к небу из затухающего костра драконий язык алого пламени и исчез единым мигом, словно и не бывало.

Насколько мне приходилось видеть прежде, земляки Лиса, при всех их бесчисленных суевериях, не склонны в ужасе шарахаться от всякой нечисти. А уж накativ по чарке горилки, они и черта рогатого принимали на саблю, будто злого татарина или гонористого ляха. Вот и сейчас можно было об заклад биться, что стоит взбрендившей земле перестать ходить желваками, как, сплюнув, вернутся эти волки Дикого поля к прерванной охоте. И кто знает, не красовались бы наши головушки на пиках, когда б не вылетел на поляну на взмыленном коне разгоряченный скачкой наездник и, не переводя дух, не выпалил зычно:

– Татары по шляху полон ведут!

– Татарове! – пронеслось меж всадников.

А гонец продолжал, тяжело дыша:

– До пятидесяти конных будет. С ними мурза при бунчу-

---

³ Характерник – по казачьим поверьям, казак, владеющий магией.

ке.

В воздухе мелькнула сабля, брошенная Лисом атаману, тот поймал ее на лету, зыркнул недобрым глазом из-под густых бровей на Лиса и, обернувшись, бросил через плечо нашему знакомцу в байдане:

– Чапеля, бродника и этого в крепость отведешь. Опосля поговорим. А вы, коль бежать вздумаете, – сквозь зубы процедил он, – крестом божьим клянусь, как есть, сыщу, да на кол понасаживаю – воронье пугать.

С этими словами атаман, не коснувшись стремян, взлетел в седло, и весь его небольшой отряд помчал в лесную чащу, в единый миг исчезнув из виду.

– Идемте, что ли, – с легкой неуверенностью в голосе проговорил казак, которого атаман назвал Чапелей. – Неча тут стовбычить.

– Да уж, чего уж там. – Лис сокрушенно вернул саблю в ножны. – Вот и отобедали, спасибо твоему старшаку на добром слове.

Сергей начал снимать путы с наших коней, и в моей голове немедленно прорезался сигнал мыслесвязи.

– *Капитан, что ты тут начудил? Кто тебя просил вмешиваться? Я же сказал – сиди, не отсвечивай. Шо, я сам бы с этим орлом не разделался?*

– *Ты б его зарубил, и нам бы пришлось иметь дело со всей бандой.*

– *Аля-улю, гони гусей. Во-первых, не бандой, а куренем. А*

потом, я шо тебе – злобный монстр – потрошитель атаманов? Тут все ходы считаны: во главе куреня – самый лихой казак. Щас бы я над ним малехо поизмывался, затем дал бы шанс почти-почти отыграться, а дальше братание, песни, пляски и жбан зелена вина на утро, чтоб голова от ветра не качалась. А там, глядишь, я б уже к Вишневецкому куренным атаманом прикатил бы. Тоже не хухры-мухры.

– Извини, – озадаченно начал я. – Ты бы объяснил.

– Некогда было, – отмахнулся Лис. – Да, а шо это за землетрус ты устроил?

– Я устроил? – Мое удивление, видимо, отразилось на лице. – Я думал, это твоя какая-то домашняя заготовка.

– Как говорит Мишель Дюнуар: «М-да!»

– Ну, вы! Шо застыли, как байбаки? Шевелитесь, ехать надо.

– Ехать надо, – подтвердил я, бросая на Лиса вопросительный взгляд. – Полагаю, следует помочь казакам. Как я понял, их пятнадцать против пятидесяти.

– Ну, пятнадцать – не пятнадцать, а без драки теперь ехать в гости не годится. Слышь, дружаня, – управившись с путами, Лис развернулся к нашему конвоюру, – есть дельное предложение: а не пойти ли нам мурзу попотчевать чем бог послал?

Казак недоверчиво поглядел на Лиса и, явно не желая вступать с ним в пререкания, но и не решаясь переступить через атаманский наказ, сурово вымолвил:

– Гонта велел в крепость вас гнать.

– Так ты уже гонишь, – не замедлил выпалить мой напарник. – Ладно, в крепость так в крепость. – Он сделал несколько шагов к месту, где около затухающих угольев стоял едва отведанный мною кулеш, и, подняв с земли котелок, сунул его Чапеле. – Держи.

Тон, которым были произнесены эти слова, не допускал возражений. Казак, на секунду опешив, выполнил приказ и смачно потянул ароматный пар, курившийся над образцом Лисовского кулинарного искусства. Этого мгновения нам было вполне достаточно, чтобы оказаться в седлах и прищипорить коней.

– А-а-а... – завопил Чапеля нам вслед, но было поздно.

Расчет Лиса был верен: проведший большую часть жизни в поисках куска хлеба незадачливый конвоир разрывался между наличием еды и необходимостью ее бросить. Должно быть, уже через мгновение он догадался поставить «троянский казан» на землю, однако о том, чтобы догнать на своем жидковатом бахмете английских скаковых жеребцов, бедолага не мог даже мечтать. А на пересеченной местности, с незапамятных времен именуемой Змеевыми валами, и по-прежнему.

Как повествует легенда, давным-давно, когда землями до самого Черного моря, звавшегося в ту пору Русским, властвовал великий князь Киевский, повадился разорять эти края

некий дракон. Может, Змей Горыныч, а может, еще какой. Об этом легенды умалчивают, как и об имени князя, в годы правления которого происходила эта злая напасть. Куражился Змей, как хотел, и никто ему укороту дать не мог. Пока витязи брони наденут да к месту разбоя прискачут, гада летучего уже след простыл. Совсем извелись богатыри, по отчим просторам за таким разбойником гоняючись. А он – то деревеньку спалит, то стадо княжье изведет под корень. Не было на поганого управы. Аж занемог надежа-князь от тоски да печали. Думал-думал, как беде помочь, да и объявил: «Кто поганого Змея изведет, того любое хотенье княжьей волей исполнено будет».

А в ту пору по берегам рек жили люди – неведомо, какого роду-племени были они, только ни Тугарину-царю в ноги не кланялись, ни в Киев-град дань не посылали. Сами по себе жили, бродниками звались. Как услышали они слово княжье – враз пред очи государевы с речью такой явились: «Коли поклянешься, князь, что впредь от века быть нам, и детям, и внукам нашим от власти пришлой вольными, то изловим мы твоего кривдника и от земель русских его отвадим. А надо нам для того: коровенок сто голов да крепкого фряжского вина полста бочек». На том и по рукам ударили.

Уж сколько сами съели да выпили – не ведомо (как бог свят, без того не обошлось), а только и чудищу угощение приготовили: нажарили мяса, напарили, по всей степи дух пошел. Ни соли, ни кореньев ведовских не пожалели. Почу-

ял Змей в дальнем ветре благоуханье лакомое, в брюхе у него заурчало – верст на пять слышно было. Расправил он крылья перепончатые и точно зачарованный к бродникам прилетел. Увидел яства приготовленные, на раз все сожрал, на два – что не сожрал, то доел. А на три стала его жажда мучить. Огляделся Змей вокруг – видит, чуть поодаль бадейка шестиобхватная стоит, доверху вином полна. Стал гад вино лакать... Пока все до капельки не выпил, не уgomонился. Ну а как уgomонился, так прямо головой в бадью. И уснул. Тут-то бродники из ухоронок тайных повылазили, запрягли Змея в плуг, которым, сказывают, еще Святогор-батюшка землю пахал, и ну бичами витыми дракона хлестать. Тот взревел было, попытался к небу взлететь. Да уж куда там. Сбруя крыльям распрямиться не дает, и лемех глубоко в землю всажен. Погнали Змея окаянного от днепровских круч к морю, чтоб навеки запомнил границу, за которую ему залетать запрещено. Только у самого берега выпрягли, так он, сказывают, как волю почувал, враз в волны кинулся, только его и видели.

Князь потом лютовал, что бродники голову Змееву не отсекли, ну так уговора о том не было. А и то сказать: ежели княжичи вдруг об отцовском слове позабыть удумали б, то живой дракон завсегда лучше мертвого.

Сказка то али быль – прадедам нынешних бродников неизвестно, да только куда ни глянь, от седого Днепра и до земель хазарских валы стоят, тем змеевым плугом оставленные.

На одном из таких валов и стояли теперь мы с Лисом, наблюдая, как движется по пути, оставленному гигантским лемехом, татарский обоз. Верховые в ярких восточных халатах, скрывавших от палящего солнца металл доспехов, держивали коней, чтобы не оторваться от груженных добычей возов, за которыми, едва перебирая ногами, тащился полон: сотни две парней и девушек. С нашей позиции было видно, как притаились в ожидании сигнала лихие братчики атамана Гонты. Теперь их оказалось раза в три больше, чем недавно на поляне. Должно быть, весь отряд, патрулировавший заветные тропы в окрестных лесных засеках, теперь собрался, чтобы проучить непрошеного гостя.

– Хорошая позиция, – из-под руки оглядывая дорогу, проговорил я. – Крымчакам здесь не развернуться.

В подтверждение моих слов из нависших над трактом кустов раздался разбойный свист и неукротимое: «Вали! Круши!» Крики «Ал-ла!» и звон сабель разнеслись над округой, созывая давно уже привычное к легкой поживе воронье.

– Капитан! Мы шо, туда полезем? – вопросительно глядя на меня, осведомился Лис, замечая, что моя рука уже легла на оружие.

– Будут другие предложения?

– Ага, – радостно кивнул Сергей, внимательно всматриваясь в ход боя. – Сейчас будут. Во! Глянь.

Я перевел взгляд туда, куда указывал палец напарника.

Во главе колонны бой разгорался особо жарко. Тот, кого

недавний гонец назвал мурзой – статный воин в шлеме с высоким шпилем, – был драгоценным призом, но пока что христианская кровь без толку проливалась в дорожную пыль. Одного за другим он выбил из седел двух казаков, и сейчас его быстрая, точно гюрза, сабля скользнула по груди третьего, выпуская на волю его грешную душу. Еще мгновение – и горячий красавец-арабчак одним рывком вынес хозяина из схватки и яростным галопом полетел к желанному спасению.

– Шо и требовалось доказать. Глянь-ка, – удовлетворенно подытожил Сергей, – вон там дорога ведет к реке, причем кривая она, как тот собачий хвост. На кручи мурза не полезет, не дурак – таракана на стене изображать. А мы здесь по прямоходу срежем – и здравствуй, Вася, я снеслся!

Сцена, разыгравшаяся у сложенных из четырех бревен мостков, наверняка запомнилась знатному степняку надолго. Едва-едва успел конь унести из гущи боя ликующего хозяина, едва тот с облегчением увидел желанный путь к спасению, как вдруг поперек этого самого пути монументально воздвигся кавалерист европейского вида и, удивленным взглядом смерив крымчака, поинтересовался на безукоризненном английском:

– Простите, сэр, вы не подскажете, как проехать к Букингемскому дворцу?

От неожиданности мурза натянул поводья, силясь осознать увиденное. Но уразуметь, что происходит, не успел.

Едва его скакун сбавил ход в нескольких шагах от диковинного незнакомца, на хребет седока опустилась тяжеленная дубина, еще недавно бывшая стволом молодого дерева.

– Салям алейкум, почтеннейший. – Лис в одно мгновение оказался в той же позиции, в которой недавно находился мурза по отношению к коню. И кинжал его, покинув голенище левого сапога, уперся в яремную вену пленника. – Не скрипи зубами, улыбку попортишь.

Система «Мастерлинг» обеспечивала моему напарнику замечательное бахчисарайское произношение, не оставляющее лежащему шансов изобразить непонимание.

– Не стоит волноваться. – Я по примеру друга перешел на татарский язык. – Вы наш пленник, никто не причинит вам зла.

– Ты еще про Гаагскую конвенцию заверни, – фыркнул Лис, но тут же насторожился, вмиг теряя демонстративную беззаботность. – Еще кого-то несет. Капитан, встречай гостя, я шас.

Я молча кивнул и потянул из ольстредей⁴ длинноствольные пистолы. Но это оказалось излишним. Спустя мгновение к месту, где Лис тщательно упаковывал рычащего от злости мурзу, подлетел атаман Гонта в сопровождении двух казаков.

– О, привет, – едва поворачивая голову, расплылся в щедрой улыбке Лис. – Вот видишь, ротмистр, а ты говорил, бе-

---

⁴ Ольстредеи – пистолетные кобуры XVI–XVII веков, крепившиеся на седле.

жали. Нашлись!

– Вы?! Здесь?! – Обветренное лицо Гонты стало перезрело-красным. – Какого лешего?

– Не пыли, атаман. Договорить бы надо.

Глава 2

*Судьба всегда приходит, как случай. Птица
выбирает дерево, а не дерево выбирает птицу.
Конфуций*

Беседа с атаманом Гонтой не задалась. Увидев, что лакомый кусок уже попал в чужие зубы, ватажник полоснул коня нагайкой и, на ходу велел казакам сопровождать нас, устремился обратно, туда, где, судя по доносившимся крикам, догорал бой. Смысл краткого разговора между «неверными» остался недоступным для знатного пленника, но суть его он уловил правильно, поскольку тут же затараторил на родном наречии:

– Ты с ним не ходи. Со мной пойдешь – много денег дам, коней дам, красавиц дам. К нему пойдешь – голова с плеч. Верь мне, мое слово крепче алмаза. Мое имя – Джанибек Седжут. Мой род – целый народ. Вместе придем – всем нам братом станешь.

– Не суетись под клиентом, – коротко отрезал Лис, потуже затягивая узел на запястьях пленника, и философски добавил, вздёргивая Джанибека на ноги. – К тому же не в деньгах сила, брат. А в ньютонах.

Наш путь в крепость занял около трех часов. Из них минут сорок, а то и более, мы пререкались с атаманом, стоя у за-

сечной черты.⁵ Не щадя глотки, пугая окрестное зверье, Гон-та требовал завязать нам глаза, а Лис слал его «пид тры чор-ты», заявляя, что и без всяких встречных-поперечных сыз-мальства все здешние тропы знает. В конце концов сошлись на том, что я дал слово дворянина ехать с закрытыми глаза-ми, и Гонта, скрепя сердце, повел курень дальше к крепости.

Как я и ожидал, искомое долговременное укрепление, носившее загадочное название Далибож, было типичным образчиком старорусского крепостного зодчества. Стены в пять сажень высотой из толстенных дубовых бревен, башни под двускатными венцами, тяжелые ворота, надменно глядя-щие с высокого берега на стоящие у речной пристани челны.

Эта крепость значилась в нашем маршруте как перевалоч-ная база и была одним из многих владений князя Дмитрия Вишневецкого. До недавних времен этот знатнейший поль-ский магнат верно служил королю Речи Посполитой, но, как водится меж польских магнатов, что-то не поделил с госу-дарем и, побив горшки, со всеми своими владениями пере-шел на службу к царю Московии Иоанну. То, что сей вла-ститель назывался Грозным, Вишневецкого не слишком бес-покоило. В Москве он появлялся раз в год, чтобы привез-ти царю богатые дары, заверить в личной преданности, а заодно и нерушимости южных границ. Большую же часть

---

⁵ Засечная черта – линия фортификационных сооружений по границам Руси, главным образом состоящая из засек – леса, поваленного в сторону вероятного противника.

времени князь Дмитрий проводил в своих владениях между Черниговом, Каневом и Новгород-Северским, в окружении беззаветно преданного ему войска, своеобразного орденa степных рыцарей, именовавшегося Запорожской Сечью. Собственно говоря, именно он выстроил на острове Хортица у днепровских порогов грозную крепость, ставшую мощной столицей казачьих земель. И если мог быть над вольнолюбивыми детьми южных степей законный государь, то им, несомненно, являлся мифический казак Байда – князь Дмитрий Вишневецкий.

Наши кони остановились у берега реки, ожидая, пока, скрипя воротом, переползет через широкую водную гладь дощатый перевоз. Я по привычке начал рассматривать крепость и ее окрестности, стараясь выглядеть безучастным, но это мне не помогло.

– Ишь глазища-то вылупил, чисто филин. – Атаман Гон-та двинулся ко мне, норовя своей крупной фигурой загородить обзор. – Шо ты тут выглядываешь, шайтанское отродье? Прикрой очи, бисова душа, не то я тебе их сам прикрою.

Я, пожав плечами, отвернулся и перевел взгляд на воду в зеленых разводах проплывающей ряски. Ватажник явно искал ссоры, но поддаваться на его провокации никак не входило в наши планы.

– Ну, шо б ото так кипятиться? – примирительно начал Лис. – Ну, посмотрел человек на твою крепость, полюбовался. Шо теперь, крыши с нее послудвало, что ли?

– Ты язык-то свой змеючий не разнуздывай. Оно еще проверить надо, с какого боку ты здесь взялся, – напустился Гонта на моего напарника.

– А не твоя забота, клещ ты въедливый, – начал заводить-ся Лис. – Сказано было, у нас к самому гетману дело. Глядишь, за дурь твою Вишневецкий не пожалует.

– Говорил я вам, уходить со мной надо, – вклинился Джанибек, дотоле молча наблюдавший разгорающуюся свару. – Послушали бы – на золоте ели. А теперь за вашу голову и аспера⁶ не дадут.

Казаки насторожились. Мало кто из них свободно владел языком Гиреев, но уж как по-татарски «золото» – наверняка знал каждый.

– Ох, чую я измену злую, – патетически взвыл Гонта. – На сажень вглубь чую. Ну-ка вяжи их, хлопцы.

Паром, уже успевший отчалить от берега с нами на борту, залихорадило. Наверняка хитроумный мурза, тонко чувствуя обстановку, неспроста сделал свой каверзный ход. Нас с Лисом на перевозе было двое, да примерно дюжина казаков. Плюс к этому – он и паромщик. Завертись между нами и людьми Гонты рьяная свара – и кормить бы его пленителям местных карасей. А коли вдруг окажется, что и дюжине казаков с нами не совладать, то у меня и Лиса выбора иного не останется, как рубить канат и, покуда не опомнились оставшиеся на берегу соратники атамана, плыть, дове-

---

⁶ Аспер – мелкая турецкая монета. Использовалась и в Крыму.

рившись течению. А тут, по его разумению, спастись лучше вместе с пленником. В любом случае татарин оставался драгоценным призом, и персона его была неприкосновенна. В отличие от моей и Сергея. Однако перспектива явиться перед Вишневецким, которому, по мысли институтского руководства, надлежало стать нашим союзником, с арканом на шее и ярлыком шпионов, не радовала абсолютно. Поэтому содержательный диалог, начатый посреди лесной полянки, вновь перешел от слов к активной жестикуляции. Лисовская плеть засвистела в воздухе и обрушилась на круп ближайшего коня, заставляя того возмущенно заржать и яростно взбрыкнуть, посылая копыта в грудь наиболее резвому исполнителю атаманской команды. Тот отлетел в гущу ватаги, сбивая с ног еще нескольких сорвиголов.

– Эх, жизнь мотузяная, – завопил Лис, продолжая сыпать удары плетью направо и налево.

Один из казаков бросился на Сергея сзади, но Джанибек, примотанный вожжами к бревну коновязи, изловчился пнуть сечевика ногами в живот, сбрасывая с парома. Гон-та, уже имевший опыт неприятного общения с Лисом, оставил его на съедение своим братчикам и решил сосредоточить свое внимание на мне. Он выкинул пудовый кулак, метя в лицо. Наверняка этот немудрящий способ общения с людьми, ему неприятными, прежде давал вполне адекватные результаты, но не сейчас. Я резко ушел вниз, захватывая атамана под колено, и выпрямился, толкая его плечом. В ином

случае мой противник непременно грохнулся бы наземь, но теперь за спиной бедолаги плескалась вода. Схватка начинала приобретать нешуточный оборот: холодной сталью блеснули в воздухе засапожные ножи, и свинцовые груши кистей кружились над головами, подобно ворону, заметившему жертву. Я краем глаза отметил лицо Джанибека: улыбка, змеей притаившаяся на его тонких губах, выражала полное удовлетворение происходящим. С берега доносились крики, кто-то бросался в воду, норовя добраться вплавь до парома, чтобы принять участие в разворачивавшемся веселье...

– Прекратить! – раздался с берега резкий властный окрик с хорошо различимым немецким акцентом.

На пирсе, выстроившись в шеренгу, положив на бердыши пищали с зажженными фитилями, стояли два десятка стрельцов. Перед ними, водрузив руку на вызолоченный крыж⁷ палаша, стоял высокий мужчина, одетый, точно монах, во все черное. Лишь на груди его длинного кафтана над сердцем была вышита серебром собачья морда. В оскаленной пасти пес держал растопыренную метлу.

– Кромешники! – разнеслось над паромом.

По всему видать, эта неожиданная встреча вряд ли могла считаться дружеской. Ропот казаков, прятавших оружие за халяву сапога или широкий кушак, очень напоминала рычание крупных псов, у которых намереваются отобрать кость.

– Дело государево! – продолжил незнакомец в черном, и

---

⁷ Крыж – крестовина.

я наконец вздохнул с облегчением, осознавая, что опасность быть растерзанными немедля мне и Лису больше не угрожает.

Гонта, отфыркиваясь, влез на паром, зло глянул в мою сторону, затем, с не меньшим чувством, — на невесть откуда взявшегося крикуна.

— Тебе чего надо, долгополый? — с нескрываемой злобой гаркнул он. — Пошто в дела наши суешься?

— Эти люди под моей защитой, — поднимая руку, точно намереваясь скомандовать «Пли!», с угрозой ответил нежданный покровитель. — Указом государевым каждый, кто воспротивится опричному приказу, поименован будет вором и злодеем с клеймлением, усекновением рук и вырыванием языка.

Атаман раздраженно сплюнул и начал стягивать промокший кафтан.

— Кто вы и откуда? — поинтересовался суровый опричник на чистом немецком, пожалуй, с вестфальским акцентом, когда паром наконец причалил к берегу.

— Прежде всего благодарю за помощь, — поклонился я. — Мое имя Вальтер Гернель. До недавнего времени я служил ротмистром императорской гвардии и состоял при особе принца Людвиг Каринтийского.

— Вальтер Гернель? — перебил меня незнакомец. — Быть может, вы родственник Якоба Гернеля? — с неподдельным интересом в голосе спросил он.

– Вы знаете моего дядю? – улыбнулся я, стараясь продемонстрировать радость. Впрочем, после столь удачного извещения от возможной гибели это было несложно.

– О да, – кратко ответил наш спаситель, кивая головой. – Стало быть, вы едете к нему?

– Принц Людвиг погиб, и дядя обещал мне помочь устроиться при дворе московитского царя Ивана. Этот добрый человек, – я указал на Лиса, – вызвался проводить меня в русскую столицу. Он уроженец здешних мест и храбрый воин.

Мои славословия в адрес Сергея произвели на опричника куда меньшее впечатление, чем имя пропавшего царского астролога. Он кивнул, подтверждая, что мои слова услышаны, и произнес вопросительно:

– А знаете ли вы, что нынче вашего дяди нет в Москве?

– Как так?

Должно быть, мое изумление было вполне натуральным, поскольку опричник, покровительственно водрузив руку на мое плечо, заявил:

– Вам не стоит ни о чем беспокоиться. Я сам представлю вас государю, а с дядей, полагаю, вы увидите несколько позже.

– Я искренне вам благодарен.

– Не о чем говорить, – отмахнулся новоявленный благодетель. – Мы – чужестранцы в этом диком краю и должны помогать землякам. Кстати, вы родом откуда?

– Гернели – богемский дворянский род... – начал я.

Мой провожатый сделал знак стрельцам, и те, положив на плечи бердыши, начали подниматься в крепость. Казаки тоже не замедлили вернуться к родным очагам. Только Лис с Джанибеком да мы с вестфальцем по-прежнему оставались на берегу.

– Ау! Господин хороший! – окликнул моего собеседника Лис. – А мне куда податься?

Кромешник молча смерил его взглядом и пожал плечами.

– Меня зовут Генрих Штаден, – запоздало представился он, оборачиваясь ко мне. – Я сотский опричного приказа.

– Ну вот. Я так и знал. Вот они, аристократские за-
машки! Поматросил и бросил. Сам, значит, отъедаться на
опричных харчах. А я, так кулеши и не похлебавши, с му-
ками голода в животе и кровавыми слезами в сердце, пойду
искать по свету, где прищемленному есть чувству уголок!
Котлету мне, котлету! В общем, капитан, если что – я в
смертной обиде, а потому беру контроль за пожаром в свои
руки и отправляюсь окучивать братьев-казаков на предмет
Вишиневецкого. Поделюсь с ними Джанибеком, хлебом миро-
вую, а там – не сегодня, так завтра они меня князю пред-
ставят. Только помни: мы с тобой в ссоре.

– Хорошо, но смотри не пережिमай, – согласился я.

– Папу Карлу поучи детей строгать, – хмыкнул Лис, и
тут же я услышал татарскую речь моего напарника: – Пошли,
мурза, знакомиться с местными красотами. Обед на золоте
не обещаю, но гарбузная каша в горшicke авось и найдется.

Я невольно усмехнулся, однако слова Лиса, обращенные к Джанибеку, нашли заинтересованного слушателя не только в лице нашего пленника.

– Это что же, ваша добыча? – Штаден перевел взгляд с меня на Сергея, а затем стал разглядывать то ли хищное лицо татарина, то ли его богатое платье.

– Мой проводник, которого я уже имел честь рекомендовать вам, самолично захватил его... – начал я расхваливать друга, точно намереваясь писать наградной лист.

– Я обязан допросить пленного, – заканчивая осмотр, безапелляционно отрезал кромешник.

– Так его, – согласился Лис. – А я, чур, буду толмачом.

– Я понимаю русский речь, – неожиданно вклинился Джанибек, пристально глядя на вестфальца.

– Вот и прекрасно. – Опричный сотник повернулся, кинув через плечо: – Следуйте за мной.

– За какой мной?! – возмутился Лис. – Сверни грабли! Этот басурман – моя собственность. Я его с бою взял! Нужен тебе – купи.

Лицо Штадена помрачнело. Он молча поддел носком сапога лежащий на земле замшелый камень и с досадой пнул его. Ни в чем не повинный булыжник с плеском ухнул в речные волны, в душе мой новый знакомец явно сожалел, что на месте камня не случился несговорчивый бродник.

– Разумеешь, с кем говоришь? – сквозь зубы процедил он.

– Шо ты меня пугаешь, голуба? Я таких пугачей на поле

с горшком вместо головы видал. Нема грошей – на солому спать!

Штаден сделал шаг вперед, и рука его вновь сжалась на рукояти палаша. Однако, как ни быстро он двигался, действия Лиса опередили порыв опричника. Клинок Сергея замер у горла Джанибека.

– Мужик, не суетись. Поделим по-честному – тебе голову, мне доспех.

Прямо сказать, я весьма сомневался в намерении Сергея убить пленника, но выражение на лице моего друга было такое, что малым детям вечером лучше не показывать.

– Хорошо, сколько желаешь? – наконец, убежденный столь веским доводом, скривился вестфалец.

– Ну, если дело до самого царя дойдет, – начал подсчеты хозяйственный Лис, – то никак не меньше ста целковых за такого фазана запросят. Так я полагаю, чтоб и государя не обидеть, и себя не обокрасть – полсотни рубликов как раз справедливо было б.

– Десять получишь сейчас, – безапелляционно заявил сотник. – На остальные я напишу расписку. В опричном приказе выдадут.

– По рукам, – со вздохом согласился Лис. – Уболтал, черт языкатый. Ну тока ж ты, паныч, про себя учти – мне ж шо московский царь, шо крымский хан – все едино. Ежели обмануть вздумаешь, то и на твой загрибок хомут сыщется.

Штаден смерил не в меру ретивого бродника ледяным

взглядом и, сделав знак следовать за ним, размашисто зашагал к крепости.

Надвратная башня Далибожа хранила следы набегов, по всему видать – недавних. Любопытная зеленая ящерица удивленно рассматривала приближающихся людей, уютно пристроившись на торчавшем из толстого бревна обломке стрелы, но, стоило идущим приблизиться, всполошилась и бросилась прятаться в узкую щель, точно опасаясь, что все эти сабли и пищали в руках людей направлены против нее.

– ...не сомневайтесь, Вальтер. Московитский царь умеет ценить преданных людей. А уж храбрые солдаты ему нужны постоянно, – дружески похлопывая меня по плечу, рассказывал Штаден.

– Да, Генрих, дядя писал мне об этом, – подтвердил я, надеясь попутно услышать какие-нибудь столичные сплетни о пропавшем «родственнике».

– Сам посуди, – продолжал опричник, не оправдывая возложенных на него надежд, – ежели с татарами и здешней шляхтой московитам воевать не впервой, то против шведов по-дедовски не больно навоюешь. Здесь одной удали мало, правильное военное искусство потребно, а взяться ему у тутошних бояр-воевод неоткуда. Вот царь нас и привечает. Так что и стол тебе будет, и дом...

– Я думаю, первое время дядя Якоб предоставит мне кров, – точно невзначай перебил я, все-таки надеясь переве-

сти беседу в нужное русло.

— Это уж у него спросите, — мгновение помедлив, ответил мой собеседник. — А сейчас извините — дела государевы. Вы же тем часом ступайте в княжьи палаты. Скажите тиуну-дворецкому, чтобы поселил вас подле меня. Когда желаете — и слугу вашего с собой возьмите.

— Он не слуга, — пустился было в объяснения я. — Сергей все это время был моим соратником и проводником...

— Пустое, — отмахнулся сотник. — А теперь прощайте, мне еще пленника допросить надо.

Увы, как ни силился я вспомнить историю крепости, именовавшейся Далибож, сделать это не удавалось. Хотя, как мне кажется, название это упоминалось в атласе крепостного зодчества, хранившемся в библиотеке моего отца.

Беру на себя смелость предположить, что некогда шедшие по рекам славяне основали здесь, у быстрых норовистых порогов, небольшое поселение, ставшее позже крепостью. Так или иначе, среди городов, вошедших в историю как столицы удельных княжеств, Далибож не числился никогда. Сотни полторы домов внутри крепостных стен, да еще вдвое больше за ними, в посаде, — вот, собственно, и все, чем мог похвалиться сей населенный пункт. Однако именно его выбрал временной столицей могущественный князь Дмитрий Вишневецкий. Быть может, его тяготила излишняя опека присланных в его города царевых воевод — кто знает. В любом

случае ныне гетман обитал здесь, хотя, прямо сказать, его местное жилье язык не поворачивался именовать хоромами.

Большой двор, обнесенный частоколом, был полон разномастного люда, словно восточный базар. Слуги князя в расшитых польских кунтушах переговаривались с ярко разряженными на османский манер казаками. Чуть поодаль, не смешиваясь с ними, сурово несли караульную службу московские стрельцы в долгополых багровых кафтанах. На высоком крыльце княжьего терема, облокотясь на резные перила, за всем происходящим во дворе наблюдали две мрачные фигуры в черном, точь-в-точь как у Штадена, платье.

– ...сегодня ж Лука Ветреник, – услышал я неспешную речь одного из казаков и, миновав его, начал подниматься по лестнице. – Так что ежели, как теперь, с Крыму тянет – то жди хороших яровых.

– Тебе-то что? У тебя ныне коса иная. – Я услышал, как с шелестом выходит из ножен сабельный клинок. – Погляди-ка, чем не коса!

– Так-то оно так... – грустно вздохнул первый.

Узнать соображения вчерашнего хлебороба о применении холодного оружия в сельском хозяйстве мне не довелось.

– Чапеля! – раздался над двором недовольный крик атамана Гонты.

Я невольно оглянулся. Темные глаза ватажника, точно раскаленные сверла, вонзились в меня. И если б взгляд мог

убивать – рухнуть бы мне сей же миг на ступенях бездыханным с двумя дымящимися дырками в груди. Я отвернулся, едва успев заметить, как лавирует среди толчеи, заполнявшей двор, наш лесной знакомец.

– Бдить неотступно, – то ли услышалось, то ли почудилось мне.

Тиун, узнав, что гостям опричного сотника необходимы отдельные покои, да еще и на двоих, скривил такую физиономию, как будто ему предстояло без пилы и топора сложить немедля здесь же новый терем. Однако, смирившись с мыслью, что иноземный гость его гримас не разумеет, отвел нам с Лисом каморку под лестницей с двумя убогими топчанами. Предоставленные нам лежанки скорее предназначались клирикам, изможденным постом и молитвой, а не широкоплечим воякам. Поэтому, как ни пытался я улечься поудобней, что-нибудь обязательно выпирало за край лежанки. Впрочем, особого выбора не было, а потому, стоически пытаясь уснуть, я стиснул зубы и начал вспоминать многочисленные ночевки в условиях, куда менее вольготных, чем эти. Над головой то и дело стучали чьи-то сапоги и сквозь щели в ступенях осыпалась мелкая серая пыль. Сон не отступал, но и наступление его было затруднено максимально. Не теряя надежды хоть как-то отдохнуть, я принялся разглядывать витиеватую резьбу столба, поддерживающего лестницу. Такую резьбу именовали здесь «фряжскими травами». Едва-едва дремота начала брать верх, как на канале закрытой

связи прорезался Лис, полный негодования и стремящийся как можно быстрее поделиться им с ближним.

– *Капитан! Я знаю, за что твоего «земляка» изгнали из его далекого отечества. За скаредность и торгашеские за-
майки, порочащие высокое звание офицера.*

– *Что случилось?* – нехотя отвлекаясь от созерцания ор-
намента, спросил я.

– *Шо случилось?! Этот самый штангенциркуль пытался
меня подло нажухать.*

– *То есть как это?*

– *Грязными инсинуациями. Он начал мне втирать, шо я
продал ему бусурмана оптом, а не в розницу.*

– *В каком смысле?* – насторожился я.

– *Вот сразу чувствуется аристократ до костей своего
мозга. Мало того что фишку не рубишь, так вообще не зна-
ешь, шо с ней делать. Сам посуди, я когда мурзу за полсот-
ни целковых уступал – я ж токо голову имел в виду... Ну,
там, с ногами и всем, что к ним прилагается, – чуть помед-
лив, добавил Лис. – А всяко там – шмотки его златотка-
ные, доспех, опять же, аргамак под седлом и в сбруе, шам-
шир булатный – это уж, извини-подвинься, мое. Так этот
колбасник открыл свою хлебрезку и с пеной вокруг нее на-
чал мне втирать, шо если он доставит царю Джанибека без
всех этих наворотов, то кто ему вообще поверит, шо это
мурза, а не какой-нибудь заштатный мурзик. Я тебе ска-
жу, пены было, точно он выжрал флакон шампуня и заку-*

сил тотальным колгейтом. За каждую полушку в истерике бился. Но я победил! – гордо заявил мой напарник. – Сто рублей налом на руки получил. Двадцатку, гад, правда, выторговал. Но как пыжился, как пыжился – убегал, прибегал, с Джанибеком о чем-то чирикал... Кстати, мне показалось, шо ордынец лялякал на высоком языке Вольтера не хуже нас с тобой и всяко лучше этого долбаного жлоба, – перебил сам себя Лис.

– Ты уверен? – переспросил я озадаченно.

– Шо он жлоб – уверен. А остальное, честно говоря, мне было до фонаря. Зато теперь на пропой и дипломатию имеется неучтенная сотка, да плюс к тому – расписка на получателя в Москве. Так шо не журысь, щас хряпнем с казаками мировую, и все будет пучком.

Что именно будет пучком, выяснить мне так и не удалось, поскольку и на канале связи, и со двора слышались радостные вопли:

– Байда! Байда! Князь приехал! Многие лета!

Я поднялся с лежанки, спеша своими глазами увидеть легендарного основателя Запорожской Сечи. Но тут из резного фряжского разнотравья, как будто раздвинув деревянную поросль, образовалась крошечная бородатая голова.

– Тс-с, – шикнула голова, едва на ней проступил рот. – Не ходи туда. Меня слушай!

Глава 3

*Если бы философы не топили истину в вине, то
прочие бы там ее не искали.*

Эпикур

Приветственные крики не смолкали. Судя по звукам, ликование толпы приближалось вместе с толпой. Спустя несколько мгновений над моей и без того раскалывающейся головой загрохотали десятки каблуков, напрочь лишая возможности услышать речь неожиданного гостя. Наконец топот сапог утих, и древесный бородач заговорил вновь.

– А второй-то где? – высовываясь наполовину из столба и пристально оглядывая каморку, поинтересовался он. – Мне сказывали, двое вас будет.

– Отлучился второй, – уклончиво ответил я. – А сами-то вы кто будете?

– Крепостной я, – гордо заявил представитель малого народа, радуясь случаю огласить свой громкий титул. – Самый что ни на есть столбовой крепостной.

– Кто? – переспросил я, пытаясь совместить услышанное с рассказами моей учительницы, княгини Трубецкой, и собственным опытом пребывания в России.

– Что тут непонятного? – возмутился кроха. – В домах – домовые, в банях – банники, а я, стало быть, – крепостной.

Потому как и стены, и башни, и все здесь под моей опекой состоит. А живу я в этом столбе, выходит, что столбовой. Но тс-с. – Он еще раз цыкнул, призывая меня говорить как можно тише, и резко продолжил: – Уходить вам отсюда надо. Недоброе тут задумали.

– Против нас? – уточнил я, не совсем понимая, о чем может идти речь.

– А то! – немедленно подтвердил крепостной, а затем добавил тоном, не допускающим противоречия: – Уж как вы там хотите, а нынче за полночь я вас отсель выведу.

– Неужто вы полагаете, что мы не сможем за себя постоять? – возмутился я.

– О том мне ничего не ведомо, а только велено головы уберечь, как вот эту. – Он постучал себя крохотным пальцем по лбу.

– Кем велено?

– Кем надо, тем и велено! Нешто сам не знаешь, кто такое велеть может?!

Честно говоря, этого я как раз не знал, но счел за благо промолчать, опасаясь разрушить у крепостного иллюзию своего всеведения.

– Ох, много тут недоброго, – продолжил малыш, забирая бороду в кулак. – Ты вот сам погляди.

Его указательный палец обвел круг на стене, и тот моментально осветился, словно окно соседней избы. За «окном» появились какие-то лица, затем послышалась негром-

кая речь. Изображение сместилось, выискивая говорящего, и явило мне физиономию Гонты.

– Светлый княже! – горячился куренной атаман. – Истинно говорю, не к добру эти двое здесь появились. Как есть подсылыщики! А ну как супротив тебя, Байда, злоумышляют? Круль-то польский небось за твою голову немало золотой казны отвалит. В железа⁸ бы их, да расспросить, каким ветром таких гоголей в наши края надуло.

– Это ты, Петро, дурного хватил.

Круг экрана сдвинулся, демонстрируя того, к кому обращался ватажник.

– Чтобы мою голову посреди Далибожа с плеч скроить, недюжинным удальцом надо быть.

– Не прогневайся, гетман, а только мы их давеча не смогли и дюжиной одолеть.

– Ишь ты. – Вишневецкий разгладил длинные, начинающие сидеть усы. – Желаю своими глазами поглядеть на уха-рей. Кликни мне их.

– А ежели смерти они твоей алчут?

– Пустое, – отмахнулся Байда. – Когда б убить меня желали, сюда б не пробирались. По лесам бы стерегли – там и ударить легче, и ноги унести сподручней. Потому желаю я их видеть, а в железа да на дыбу мы их всегда вздернуть успеем.

За дверью послышалась громкая речь Лиса.

– А шо это ты, голуба, к стене припал? Или притомился?

---

⁸ Железа – кандалы.

– Так я того... дремал я, – послышался в ответ голос Чапели.

– Не, ну на шо это похоже! – не унимался Лис. – Я его ищу. С ног сбился, сапоги по колено стоптал. А он тут ухом стену продавливает. Ты куда мой кулеш дел, цапель винторогий?

– В лесу оставил, – проямлил незадачливый караульщик.

– Шо?! – Возмущению моего напарника, казалось, не было предела, однако на канале закрытой связи его голос звучал иначе. – *Капитан, ты нас слышишь?*

– *Еще бы.*

– *Ну, тогда радуйся. В твоем как-бы-нете у стены как-бы-есть ухо. И шо уж совсем некстати – язык. Но эту оплошность я щас исправлю.* Ты оставил мой кулеш в лесу?! Одного?! Без присмотра?! Его ж там съедят белки и волки! Ты мне и всему трудовому народу этим в душу плюнул!

За этим воплем я ждал услышать звук падающего тела. Зная вес Лисовых кулаков, можно было предполагать, что разговорчивость его несчастной жертвы на пару недель снизится до минимума. Однако дело до расправы не дошло.

– Эй, ты! Шалый! – донеслось сверху. – Хорош рубаху в ключья драть. Тебя и немчину Байда кличет. Да поспешите, гетман ждать не любит.

Князь Вишневецкий сломал печать красного воска и неспешно развернул поданный мною свиток. Шествующий над короной грифон, оттиснутый на гербе, ясно свидетель-

ствовал, что письмо вышло из-под пера вельможного Миколаша Эстергази, спутника юношеских забав Байды, а ныне правителя Венгерского королевства. Институтские мастера хорошо постарались, чтобы снабдить нас рекомендательными письмами.

– Миколаш расхваливает вашу храбрость, господин... – Хозяин Далибожа вновь опустил глаза к письму. – Гернель. Гернель? Вы что же, в родстве с Якобом Гернелем?

Французская речь князя звучала с довольно сильным польским акцентом, но все же была вполне понятна.

– Точно так, – поклонился я. – Он мой дядя.

– Забавно. – Вишневецкий резко свернул письмо, как будто сбился с мысли, а теперь старался придать разуму прежнюю ясность. – Вы давно получали известия от вашего родственника?

– Не более трех недель назад, – чуть помедлив, словно высчитывая дни, произнес я и отмахнул плащ, чтобы достать инкунабуларий.⁹

Стоявшие у стен казаки схватились за сабли, торопясь защитить любимого вождя. Я медленно развел руки, демонстрируя отсутствие агрессии и благонамеренность.

– Вам не о чем беспокоиться, мой принц. Здесь не оружие, – заверил я.

– Не обессудь, а покуда человек ты новый, в этих местах неведомый, так что береженого Бог бережет. Пусть он возъ-

---

⁹ Инкунабуларий – ларец для писем.

мет.

Вишневецкий кивнул Гонте, и тот осторожно, точно в своей поясной сумке могла таиться гадюка, вытащил плоский ларец с письмами от моего «любимого дядюшки».

– Не бойсь, не укусит, – встрял Лис.

Гетман принял из рук верного стража изящную шкатулку и уже собрался открыть ее, но вдруг замер, будто забыв о своем недавнем вопросе.

– Это что? – озадаченно глядя на палисандровую крышку, негромко осведомился князь.

– Герб рода Гернелей, – гордо ответил я, искренне недоумевая, чем вызван столь неожиданный интерес.

– Оставьте нас! – грозно скомандовал хозяин терема, словно полагая, что кто-то может воспротивиться его приказу.

– Но-о... – затянул было Гонта.

– Ступай, – оборвал его Вишневецкий. – Я желаю побеседовать с глазу на глаз.

Едва закрылась дверь за гетманской стражей, как четкий, словно удар молотка по гвоздю, вопрос разорвал не успевшую сгуститься тишину:

– Что означает эмблема вашего герба?

– Прошу прощения. – Я с недоумением поглядел на собеседника. – Что непонятного?

– Вот эта крылатая дева с птичьим хвостом что означает? – с нажимом продолжил магнат.

– Это алконост – вещая птица, – удивленно пояснил я. – Мой предок Себастьян Гернель в годы правления Максимилиана I имел счастье предупредить императора о готовящемся против него заговоре. С тех пор алконост украшает наш герб.

– Ваш дядя, конечно, знал это, – проговорил князь, но, как мне показалось, слова его были обращены не ко мне. – Значит, вот что он имел в виду, – продолжая разговаривать сам с собой, негромко выдохнул он.

– О чем вы изволите говорить? – не сдержался я. – Почему и вы, и сотник Штаден упоминаете дядю Якоба так, словно его больше нет? С ним что-то случилось? Прошу вас, не томите меня неизвестностью!

Вишневецкий молча смерил меня взглядом, словно прикидывая, можно ли мне доверить государственную тайну. Наконец, решившись, он произнес негромко:

– Родич ваш, господин ротмистр, исчез чуть более месяца назад в Александровской слободе из мастерской своей, что при царевом дворце располагалась.

– Что?! – Я резко шагнул вперед, стараясь придать лицу ошеломленное выражение. – Не может быть.

– Это истинно так, – твердо проговорил властитель приграничья, угрюмо склоняя лобастую голову. – И быть может, я последний, кто с ним разговаривал.

– Но как же... – Я старательно изображал растерянность.

– Мы встретились в его лаборатории. Я задал ему вопрос,

который тревожит меня последние годы. Он рассчитал ход звездных путей и заявил, что ежели я отправлюсь в свои владения, а если вернее – в Далибож, то вскоре найду вещую птицу на палисандровом дереве. По его словам, именно она поможет излечить мою душевную рану.

Если до того наш диалог был испытанием моих актерских способностей, то теперь пришла пора удивляться вполне искренне.

– Быть может, это все же ошибка? – неуверенно выдавил я, соображая, каким образом Джордж Баренс мог вычислить по звездам детали сегодняшней встречи.

– Я обшарил всю округу в поисках палисандрового дерева и не нашел ни одного. Что же касается вещих птиц... Ваша – первая, которая попалась мне в этих краях.

Вишневецкий озадаченно поднес к лицу шкатулку, выискивая, нет ли где кнопки, открывающей тайное отделение.

– Вы храните здесь письма своего дяди?

– Именно так.

– С вашего позволения я прочту их.

– Как пожелаете. – Я пожал плечами. – Хотя вряд ли мои семейные дела могут заинтересовать вашу светлость.

– Я ни от кого до сих пор не слышал, чтобы Якоб Гернель ошибался в своих предсказаниях. Стало быть, либо вы, либо содержимое этой шкатулки должны мне помочь. Вам знаком брат короля Швеции Эрика?

– Ни в малейшей степени.

– Странно, весьма странно. – Князь углубился в чтение одного из присланных мне Институтом писем. Я готов был держать пари, что ничего полезного для себя он там не обнаружит. – Как бы то ни было, вы останетесь при мне. Если желаете, я могу предложить вам службу. Здесь, на границе, всегда нужны опытные офицеры. А в Москву, пан Вальтер, вам лучше не ехать. Царь Иван крайне раздражен исчезновением вашего родственника и, полагаю, не преминет сорвать злобу на вас.

В дверь постучали, и тиун, бочком втиснувшись в залу, пролепетал неуверенно:

– К вам кромешник – Генрих Штаден, московского царя вестовщик.

– Пусть войдет, – разворачивая сложенный лист с письмами астролога, бросил Вишневецкий. Как мне показалось, без особой радости.

Я сделал шаг к двери, дабы оставить его наедине с посланцем государя, но хозяин Далибожа молча поднял на меня глаза и с видом, не допускающим возражений, указал место подле себя.

Штаден вошел в залу быстрой походкой, точно спеша миновать скопившийся на лестнице и близ дверей казачий сброд. Он уже собрался было открыть рот для приветствия, но, завидев меня, так и остался стоять безмолвно.

– Отчего слово не речешь? – наконец оторвавшись от витиеватых строк, проговорил Вишневецкий, едва достаивая

взглядом опричника. – Или не для того тебя сюда послали?

– Светлому князю и владельцу Дмитрию Ивановичу Вишневецкому от царя и великого князя всея Руси Иоанна братский привет и о здравии его попечение, – единым духом выдал сотник, не переставая искоса глядеть на меня.

– И ему от меня поклон земной и верности изъявление, – не отрываясь от текста, кивнул светлый князь-владелец.

– Я прибыл сюда по государеву делу, – с напором проговорил Штаден. – Оное же, как всем ведомо, без особого на то царского соизволения огласке предано быть не может.

– Человек сей при мне состоит, – не задумываясь, возразил Дмитрий Иванович, – а стало быть, доверием облечен. Но ты, коли желаешь тайности речей своих, молви по-русски. Языка сего этот бравый воин не понимает.

Подобное утверждение было прямым вызовом системе «Мастерлинг», но разуверять говорившего мне казалось излишним. Вместо этого я усадился на высокое кресло, служившее Вишневецкому своеобразным тронem. Насколько я мог судить, некогда оно украшало один из византийских дворцов, может, даже императорский. Тонкая резьба, подлокотники, увенчанные весьма натурально сделанными орлиными головами, – все это напоминало о державе, почившей уж более ста лет назад. После захвата Константинополя множество таких вещей разошлось по всему Причерноморью, а то и далее, обретя себе новых хозяев. Бирюзовые вставки, добавленные, видимо, позже, свидетельствовали о том, что

кресло побывало у крымских ханов, более ценивших яркость и пышность, чем утонченное мастерство византийцев. Стало ли оно подарком могущественному вельможе, или же было захвачено в лихом казачьем набеге, но здесь, среди беленых стен и грубо сколоченных лавок, оно казалось мне воплощением судьбы его нынешнего владельца.

– Как государь – солнце для своих подданных, так послы его – светлые лучи, пред коими...

– Ну так ведь то послы, – перебил его Вишневецкий. – А ты – вестовщик. Я ж, поди, не чужой земли государь. Говори, с чем пришел, не томи душу.

– Царь Иоанн наслышан о ваших победах над степняками и выражает свое благоволение, – с неохотой выдавил посланец. – И в награду за то шлет: казны серебряной пять сотен рублей, да огненного зелья¹⁰ сорок пудов, да зелена вина пять бочек. Вам же, светлый князь, со своего плеча шубу соболю да булаву в яхонтах и смарагдах жалует.

– То и вся тайна? – Вишневецкий отложил прочитанный текст и хлопнул в ладоши. Верный тиун князя возник в дверях точно по волшебству. – Огненное зелье вели в Зеленскую башню грузить, а вина царева бочки во двор выкати, да ковшики к ним приставь, дабы люд христианский потешиться мог.

– То не все, – исподлбывая глядя на присутствующих, вновь заговорил Штаден.

---

¹⁰ Огненное зелье – порох (*старорусск.*).

– Иди, – кивнул тиуну князь, демонстративно оставляя меня подле своей особы.

– Государь вас к себе в Москву призывает, – смирившись с тем, что выгнать меня не удастся, продолжил вестфалец. – Мне велено вас туда сопровождать.

– О как! – Взор светлого князя потемнел. – На что я царю вдруг понадобился? Поди, из стольного града только-только вернулся.

– Мне царевы помыслы неведомы, я ведь, чай, не посол, – с затаенным злорадством проговорил Штаден. – Мое дело – наказ привезти.

– Наказ?! – В тоне князя послышался остро отточенный металл. – Я не смерд, чтобы царев ярыжка¹¹ мне наказы оглашал. Завтра же чуть свет в Москву выезжай да скажи государю, что дары его щедрые я принял с благодарностью. Отдарки тебе дворецкий мой вручит. О прочем передай, что по первому зову всевеликого царя нынче в дорогу собираться начал. К Воздвиженью, даст бог, поспею. А провожатые мне для того без надобности, не пьяный, чай, с тракта не собоюсь.

Лицо Генриха вытянулось и приняло озадаченное выражение. Не знаю уж, какие подсчеты вел он, но я-то помнил точно, что за обозначенные князем три с лишним месяца можно не спеша доехать до Урала.

– Воля ваша, – глотая наперченную пилюлю, поклонился опричный сотник, будто бы собираясь уходить. – Только

---

¹¹ Ярыжка – глашатай.

слух идет, что этим летом государь Ливонию воевать собирается, а знаючи ваш опыт и военное умение – кого, как не вас, воеводой большого полка поставить.

– Стало быть, Ливония. – Чело Вишневецкого избороздили глубокие морщины. – Что ж, ты завтра в путь. Да поспеши. Нынче у нас пресвятая Параскева Пятница. На той неделе к субботнему дню с дружиной в Москве буду.

– Все исполню, светлый княже. – Штаден почтительно склонил голову, не трогаясь с места.

– Ну так ступай да выпей за мое здравие.

– С охотою. Да только тут вот какая закавыка образовалась... – Опричник кинул на меня быстрый взгляд.

– Что еще? – недовольно скривился Вишневецкий.

– Хотел бы просить сего дворянина, – он кивнул в мою сторону, – при особе вашей состоящего, со мной отпустить.

– Отчего вдруг? – нахмурившись, бросил князь.

– Я бы хотел о том наедине сказать.

– Ступай, – чуть помедлив, скомандовал запорожский гетман.

Я направился к выходу. У двери в ожидании приказа караулил дворецкий. Сквозь небольшую оставленную им щель доносились звуки голосов.

– ...по исчезновении сего астролога и сам он, и ближние его, кои причастны быть могут к злодеянию, повинны...

Дальнейшее расслышать не удалось. Подступивший ко мне вплотную Гонта, набычившись и яростно жестикулируя,

заговорил с угрозой:

– Шо замер, ирод заморский? Ступай себе. Иди, иди.

Я тут же залопотал по-немецки и, пользуясь языком жестов, начал объяснять, что с места не сойду без своей шка-тулки.

– ...оных выдать головой, – донеслась из-за двери резкая, словно удар бича, фраза Штадена.

– Со мной к царю прибудет, то мое дело, – отрезал Вишневецкий. – Эй, где ты там? Ворочайся.

Я провел в компании Вишневецкого еще часа два, в деталях и подробностях рассказывая ему о своих похождениях и странствиях, передавая сплетни императорского двора и повествуя о невероятных охотничьих успехах графа Миколаша Эстергази. Когда же наконец любопытство моего собеседника было удовлетворено, он отпустил меня, сообщив, что «утро вечера мудренее». Эта присказка всегда вызывала у меня глубокое недоумение. По роду службы проведя в разных эпохах России немало времени, я так и не увидел ни единого местного жителя, у которого бы утро сопровождалось большей ясностью ума, нежели вечер.

Но, как бы то ни было, я вышел во двор, спеша отыскать Лиса. Оставив меня, как обычно, общаться с князьями, Сергей без промедления затеял то, что в его лексиконе именовалось «винно-водочной дипломатией». И много в том преуспел. Я застал напарника у одной из бочек, когда он, хле-

бая вино из одной братины с Гонтой, норовил обменяться с ним крестами. Резкий окрик на канале связи несколько привел его в чувство. Однако появление «немчины» перед туманными взорами казачьей вольницы стоило мне изрядной чары зелена вина, поднятой Лисом «за мир и дружбу между народами, и шоб сдохли все гадюки, шо не с нами». Выпитое тут же ударило в голову, и без того раскалывающуюся после меткого попадания чьего-то кистеня по шлему во время схватки на пароме.

– Слаб пить немчина, – подытожил Гонта уже без прежней злобы, когда я, как мой соотечественник Гарри Поттер, отправился спать в каморку под лестницей.

Неведомо, который был час, когда внезапно появившийся в дощатом топчане сучок, продавив набитый соломой тюфяк, больно впился мне под ребра. Я попытался изменить позу, но не тут-то было. Сучок образовался в другом месте и на этот раз пырнул меня с такой силой, что я невольно вскочил и больно приложился к ближним ступенькам головой. Лиса, чьи козни я предположил в первую очередь, рядом не было. Зато из столба на меня с укоризной глядело мрачное лицо Крепостного.

– Здоров ты спать, – тихо проговорил он и тут же поинтересовался: – Второй-то где?

– Во дворе, должно быть, – неуверенно отозвался я.

– Ну так иди да сыщи его, – скомандовал столб с головой. – Мне велено обоих вас отсель вывести. Давай, давай.

Поспешай. Уж скоро светать начнет. Не буду ж я прилюдно стену-то раздвигать.

– Да, да, – закивал головой я, все еще плохо соображая, и одной рукой активизировал связь, в то же время пытаюсь другой надеть правый ботфорт на левую ногу. – *Лис! Ты где? Нам пора уходить.*

– *Капитан, ты чё?! Приболел с недопоя? Какой уходить? Куда? Зачем?*

– *Крепостной уже пришел,* – поведал я.

– *Какой крепостной?*

– *Маленький. С бородой. Столбовой.*

– *Капитан, ты токо не волнуйся – это белая горячка. Главное, ты его не лови. Иди лучше во двор, проветришься. А я тут щас землю остановлю и тут же приду тебя спасать.*

– Недобрая туча повисла над вами, – будто радио со столба, прокомментировал Крепостной. – Поторопись.

Я наконец-то справился с сапогами и, напутствуемый обоими собеседниками, отправился во двор, пытаюсь привести себя в чувство. Землю Лис еще не успел остановить, и устилавшие ее тела судорожно хватались руками за траву, чтобы не слететь на поворотах.

– *Лис, ты где?*

– *Щас найдусь. Тут какие-то дрова... Не, это не дрова, это ноги. Ну, с точки зрения Аристотеля, тоже дрова. Так... А вот это крепостная стена, а вон ворота. Я у ворот. Кстати, это не ты их там открываешь?*

– *Что?!* – Выработанная за годы службы реакция сработала, как детонатор, взрывая сонную пелену. – *Ночью ворота не открывают – это измена!*

– *Шо?!* – Взгляд Лиса начал приобретать резкость. У ворот некто, мучимый бессонницей, отвалив увесистый брус засова, изо всех сил налегал на окованную железом створку ворот, стараясь открыть ее.

– Рота, подъем!!! – заорал Лис голосом, способным поднять даже тех, кто умер вчера.

– Измена! – по-русски гаркнул я, выхватывая из ножен клинок, и бросился к воротам.

Глава 4

*Никогда не следуйте дурным советам,
опережайте их.*

Правило краковской блондинки

Как я имел возможность убедиться за годы, проведенные в России, слова «Пожар!» и «Измена!» способны найти отклик в душе всякого истинно русского человека. Даже если он при этом не совсем русский, и душа его готова проститься с телом из-за обилия плещущегося в нем вина. Вот и сейчас крепость, минуту назад казавшаяся вымершей, оживала стремительно и грозно. Петухи, собравшиеся было прокричать свой первый утренний клич, торопились спрятаться за тынами и уже оттуда возмущенно призывать солнце взглянуть на происходящее безобразие.

– Всем выйти из сумрака! – во все горло командовал Лис, разряжая в сторону ворот оба пистоля. – Ночной дозор!

Уж не знаю, почему Сергею вспомнилось это полотно кисти Рембрандта, но распоряжение его было выполнено незамедлительно. Из-под арки надвратной башни с криком «Пся крев!» появилась толпа – человек двадцать, а то и более. Редкие выстрелы пищалей, донесшиеся из-за ближних заборов, не могли остановить ворвавшихся.

– Держись! – крикнул я, бросаясь на помощь Лису, уже

скрестившему саблю с клинками первых жолнеров.¹²

Чья-то карabela¹³ свистнула у моего уха. Я развернулся, рубя с потягом. В сумерках слышался крик боли, и я, перескочив через падающее тело, помчался дальше. Что мудрить, среднему казаку бесполезно состязаться в искусстве фехтования на саблях со средним шляхтичем. Но мой напарник был отнюдь не средним казаком, в чем первый его противник смог убедиться сразу же, а второй – спустя секунд тридцать. Однако на место павших жолнеров встали новые, уже более осторожные. И поток их все нарастал.

Немногочисленные защитники крепости, подброшенные на ноги командой Лиса, с остервенением, вызванным тяжелой головной болью, бросались на штурмующих, норовя сложить буйны головы, но не пустить врага в крепость. И все же не устоять бы им, когда б ворота сами собой вдруг не захлопнулись с грохотом, точно ставни от неожиданного порыва ветра. Было слышно, как сотрясаются они от тяжелых ударов, как снаружи негодуяще кричат снесенные тяжелыми створками ляхи.

На колокольне, хороня останки безмятежной ночи, гулко рывкнул набатный колокол и безостановочно загремел, самозабвенно разгоняя демонов, внушивших недругам их коварные замыслы.

– За веру православную! – заорал над самым ухом казак в

---

¹² Жолнер – солдат (польск.).

¹³ Карabela – польская сабля.

тягиляе¹⁴ на голое тело, с утробным рыком вращающий двумя топорами.

– Не посрашим дедов-прадедов! – вторил ему другой, голый по пояс, с рогатиной в руках.

Теперь, когда приток новых сил к нападавшим прекратился, дело получило иной оборот. Но праздновать окончательную победу было еще рано. Польская шляхта почти неостановима в первом натиске, однако, встретив упорную оборону, быстро падает духом и теряет кураж. В такой момент она может обратиться в бегство не менее безудержное, чем недавняя атака. Но зажатые в угол шляхтичи обычно сражаются с отчаянной храбростью. Сейчас был именно такой случай. Поняв, что дальнейшее наступление бессмысленно, а отступление невозможно, поляки вновь оттянулись к воротам, стараясь одновременно вести бой и открыть невесть каким образом запертый проход. Звон сабель едва не перекрывал звук набата, а стоны раненых оглашали крепость, вспугивая окрестное воронье, спешащее занять лучшие места для близкой трапезы. Открыть ворота не удавалось. Краем глаза я видел, как ходят они ходуном под ударами извне, как цепляются за их створки ополоумевшие от ужаса жолнеры. И все впустую.

Понять, что именно происходит, мне сейчас было не суждено. Отклоняясь от очередного удара, я резко повернулся и, зацепившись за ноги лежавшего в луже крови сечевика,

---

¹⁴ Тягилай – матерчатый или кожаный, простеганный ватой доспех.

рухнул наземь. В ту же секунду надо мной возникла ликующе-остервенелая усатая физиономия и занесенный для удара клинок. Точно сжатая пружина распрямилась во мне, заставляя моментально перекатиться. И очень своевременно, потому что на освободившееся место тут же рухнуло, звеня доспехом, мощное тело моего недавнего противника.

– Вы целы? – послышался встревоженный окрик Штадена.

– Вполне, – проговорил я, но мой ответ утонул в грохоте слитного залпа двух десятков пищалей. За ним почти без промежутка грянул еще один залп.

Воспользовавшись беспорядочной схваткой у ворот, московские стрельцы выстроились в шеренги и ударили поверх голов, добавляя сизого порохового дыма в общую картину утреннего боя. В другой ситуации они стреляли бы прицельно, но теперь понять, где свои, где чужие, было просто невозможно. Теперь же это и не потребовалось. Прибытие на поле боя новой организованной силы положило конец сопротивлению потерявшей надежды на спасение шляхты. И когда после отгремевших залпов у ворот появился гетман на вороном коне, в окружении сердюков-телохранителей, поляки не замедлили воспользоваться его «любезным предложением» немедленно бросить оружие и сдаться на милость победителя.

Предраассветный штурм не удался. Поляки, шедшие к Далибожу в надежде обнаружить ворота открытыми, не были

готовы лезть на стены. После короткого боя они вынуждены были отступить, запалив соломенные крыши посада. И все же первая неудача вопреки ожиданию не обескуражила нападавших. Когда солнце взошло над кручами, мы увидели, как поляки становятся лагерем у подножия холма. Далибож сел в осаду.

– Ну что ж, – разглядывая в подзорную трубу лагерь противника, задумчиво произнес Вишневецкий. – Запасы продовольствия у нас в избытке, вода в колодцах изобильна... Боюсь только, как бы развлечения не стали чересчур однообразны.

Стоя рядом с князем, я наблюдал за суетой, царящей под крепостными стенами: кто-то устанавливал заточенные колья палисада, кто-то разбивал шатры, кто-то вязал фашины, ¹⁵ кто-то набивал мешки речным песком и галькой. Одним словом, все это очень мало походило на лихую вылазку из тех, что нередко позволяли себе окрестные магнаты со своими частными армиями.

– Тысяч до двух будет, – окинув взглядом лагерь, подытожил свои наблюдения один из атаманов, сопровождавших Вишневецкого.

– Поменее, эдак тыщи полторы с гаком, – возразил гетман и добавил, указывая рукой на шатер, над которым развевалось знамя с довольно странной эмблемой: – А командира их я уже не первый год знаю.

---

¹⁵ Фашины – вязанки хвороста, служащие для засыпания рвов.

Посреди алого полотнища золотом была вышита тарелка, на которой красовалось пронзенное стрелой то ли сердце, то ли знак пиковой масти.

– Хоругвь Пржиятель, – точно сам себе негромко произнес Вишневецкий. – Не иначе как пан Юлиуш Стамбровский, подкоморий коростеньский, в гости пожаловал.

– Светлый княже, – на боевую галерею, едва не споткнувшись, выскочил Гонта, – там внизу такое приключилось...

– Что еще? – резко повернулся хозяин Далибожа.

– Створки ворот... – ватажник помедлил, подыскивая подходящее слово, – ...срослись!

– Да ты, что ли, бредишь с пьяных глаз! – взорвался и без того раздосадованный князь.

– Богом клянусь! Шоб мне горилки не пить! – выпалил, крестясь, запорожец.

– Горилки с этого дня вам, при сабле, всем не пить! На зимник пойдете – вот тогда и заливайтесь. И детям, и внукам о том заповедайте. Чтоб когда на сечи – о горилке и думать не смели. Не враг голову снесет, так я сниму. Нынче из-за нее, треклятой, чуть голыми руками нас не взяли. А этот вон, – он кивнул на Гонту, – и по сей час в ум не вернулся.

– Да вы хоть сами гляньте, – взмолился куренной атаман. – Ворота в землю корни пустили, а доски их промеж собой точь-в-точь ветвями переплелись.

– Экий ты чушебрень! Ладно, будь по-твоему, идем, – усмехнулся Вишневецкий. – Не до ночи ж тут стоять.

Отдав распоряжение выставить охранение на стенах, гетман начал спускаться по лестнице. Посреди двора лежали защитники Далибожа, павшие этим утром. Батюшка с кадилом ходил между ними, призывая Всевышнего даровать убиенным жизнь вечную взамен так нелепо потерянной земной.

В стороне, ожидая погребения, лежали сраженные поляки. Их было куда меньше, чем казаков. Пара десятков угрюмых пленников затравленно жались к частоколу княжьего двора, мрачно ожидая своей участи. Вокруг них точно вороны, предвкушающе близкую добычу, позвякивая саблями, прохаживались кромешники.

– Ну, где там твое чудо? – поворачивая к воротам, спросил Вишневецкий.

– Здеся, здеся, – забасил Гонта. – Сами гля...

Слова застряли в его горле, будто корень языка разросся, перекрывая дыхание.

– Гляжу. – Гетман пружинистым шагом подошел к створкам ворот и толкнул одну из них. Та как ни в чем не бывало закрипела и, слегка поддавшись, начала открываться.

– Ворота-то не заперты, – озадаченно выдохнул один из атаманов.

– Шоб вам свиньи глаза повыели! – возмущенно заорал Вишневецкий. – Где засов?!!

Стражники, караулившие вход в крепость, перепуганно хлопая глазами и крестясь, попятились от ворот, едва не задев князя.

– Да вот же он. – Гонта ткнул пальцем в лежащий под стеной тяжелый брус.

– Как же такое быть-то может? – Один из атаманов вцепился в свой оселедец, точно пытаясь активизировать таким способом работу мозга. – В них же колотили, шо в тот бубен на вечорницах, а они, глянь-ка, открыты!

– Снова измена?! – взревел гетман, яростно выхватывая из-за пояса булаву.

Гонта, боясь навлечь на свою голову очередной взрыв княжьего гнева, ринулся поднимать тяжеленный засов, едва не сбив меня с ног, как игрок американского футбола, увидевший перед собой заветный мяч. Привратники собрались было последовать примеру атамана, но замерли, оглушенные его неожиданным воплем.

– Это все он, – тыча в меня пальцем, орал ватажник.

– Да ты совсем, что ли, сбрендил? – нахмурился Вишневецкий. – Воин сей у ворот из первых был, и тревогу поднял, и рубился славно, и дружок его здесь же едва голову не сломил.

– Не о том речь, – не унимался возбужденный сечевик. – Может, и не предатель он, о том молчу, а только уж колдун – это как бог свят. Намедни в лесу этот немчина землю горбами ходить заставил, шо то море в бурю. Ныне вот ворота срастил, а еще... – Гонта замолчал, будто осознавая нечто, только что пришедшее ему на ум. – Вчера он по-нашему ни слова вымолвить не мог, а тут вдруг поутру горланил так,

будто промеж нас родился. Чаклун он, как есть чаклун!

Пристальный взгляд князя впился в меня, точно вытряхивая из одежды.

– Что ты на то скажешь, ротмистр?

Спутники гетмана напряженно уставились на меня, все как один готовые схватиться за оружие.

– Ваша светлость... – начал я, старательно имитируя немецкий акцент того самого языка, которому еще предстояло распасться на русский, украинский и белорусский. – Я добрый христианин...

С этими словами я вытащил нательный крест, попутно активизируя связь. Насколько я помнил, в этой части Европы отношение к ведовству и всевозможной нечистой силе было довольно снисходительное. Здесь даже священнослужитель мог послать слугу получать оброк с чертей (так, во всяком случае, рассказывала леди Эйлин Трубецкая), и никому в голову не приходило тащить на костер из-за чересчур темных глаз или родинок в неположенном месте. В цивилизованной и просвещенной Испании, к примеру, с этим дело обстояло много хуже. Слава богу, червивый плод европейского просвещения еще не был подан к столу здешних жителей. Но как поведут себя возбужденные боем и обвинениями Гонты атаманы, оставалось только гадать.

– *Лис*, – вызвал я напарника.

Получивший в ночной схватке несколько царапин мой друг был героем дня. Если бы случилась возможность, его

перевязали бы шелковыми бинтами, нарезанными из вражеского знамени. Но такой возможности не было. Сейчас мой напарник смущал душевный покой некой юной чернобровой особы, которая, затаив дыхание, слушала Лисовы побасенки, не переставая врачевать раны героя.

— ...и вот мы с принцем попадаем в султанский гарем. Тетки там — умереть не встать. Вот если б я тебя не видел, сказал бы, что краше в мире нет, — в упоении вещал Сергей, изображая токующего глухаря.

— Лис! — еще раз требовательно окликнул я.

— Капитан, ну шо за дела? — В тоне друга слышалось раздражение. — Дай мне покоя! Не видишь, что ли, я наскрозь ранетый и почти бездыханный почетный писающий мальчик Далибожа. Что за нетерпячка? Убивают тебя, что ли?

— Пока нет, но могут. Что у вас тут за колдовство полагается?

— На кол могут посадить. Как говорится, ближе к небу — дальше видно.

Такая перспектива меня не порадовала, тем более что пальцы атаманов на рукоятях сабель сжимались все крепче.

— Это тебя, что ли, в колдовстве обвинили?! — осенило Лиса. — Они там шо, показались напрочь и навзничь? Какой из тебя колдун? Ты ж правильно щеки надувать не умеешь.

Пауза затягивалась. Я по-прежнему демонстрировал крест и не знал, что ответить.

– *Слушай, вали все на дядю*, – заторопился напарник, увидев выражение лиц окружавшей меня казачьей старшины. – *Как говаривал Мичурин, скрещивая кедр с арбузом: «Ньютон от яблони недалеко падает».*

– ...мне пока трудно подбирать слова, но, ваша светлость, вы знаете Якоба Гернеля. В нашем роду в считанные дни любой чужой язык делается своим. Это такая удивительная особенность... Но колдовать... – Я развел руками. В этот самый миг засов крепостных ворот – тяжеленный дубовый брус, окованный железными полосами, – взмыл, как сухой лист, подхваченный ветром, и мягко опустился на скобы.

– Гх-х, – выдохнули атаманы, обалдело глядя на вновь запертые ворота.

– Ротмистр, следуйте за мной, – с чувством произнес Вишневецкий, меряя меня весьма заинтересованным взглядом.

Княжеские покои больше напоминали арсенал, чем апартаменты богатого европейского аристократа, каковым, безусловно, являлся запорожский гетман. Шишаки и кирасы, сложенные у стен, прислоненные копья и алебарды, даже маленькая пушка-«сорока» у единственного окна служили убранством этих своеобразных покоев.

Дмитрий Вишневецкий расхаживал по комнате, оживленно жестикулируя в такт словам.

– Я не желаю вселять уныние в сердца казаков, но поло-

жение дел безрадостное. Этим утром мы понесли значительные потери: больше трех десятков убитых и без малого полсотни раненых. Спасибо вам, что закрыли ворота, хотя ума не приложу, как вы это сделали.

– Да, но... – начал было я.

– Не желаете говорить – не говорите. – Князь на мгновение остановился. – Речь не о том. У нас здесь едва наберется сотня здоровых казаков да полсотни человек у Штадена, но его люди мне не подчинены. Кто знает, что завтра взбредет в голову этому выскочке. Далибож – хорошая крепость, но ее надо кем-то оборонять. Пока к нападающим не подвезли пушки, я думаю, мы сможем продержаться. Потом же... – Князь широко развел руками.

– Чего же вы хотите от меня?

– Нынче я имел возможность убедиться и в вашей отваге, и в воинском искусстве, и... – гетман замялся, – ...иных способностях. Не знаю, что именно хотел сказать ваш дядя, предрекая нашу встречу, но вижу теперь, что она действительно не случайна. А потому хочу просить вас о помощи.

– Просьба командира – это приказ в вежливой форме, – склоняясь, процитировал я.

– Рад, что вы меня понимаете, – кивнул Вишневецкий. – Тогда слушайте: отсюда в восьмидесяти верстах по реке на восход, у слияния Днепра и Струменя, крепость – Большой Струменец. Там стоит войсковой осавул Олекса Рудый с большим отрядом. Нынче, как смеркнется, мы сделаем вид,

что вы бежите из крепости. Чтобы Юлиуш поверил, со стен по вам будут стрелять. Но это пустое, пуль в стволах не будет. Возможно, поляки захотят вас допросить. Более того, я уверен в этом. Но вы в здешних местах чужак, сюда прибыли лишь вчера, толком сказать ничего не можете. Вряд ли за вами станут пристально следить. Воспользуйтесь этим и что есть мочи спешите в Струменец да приведите сюда войско. И будьте осторожны. Стамбрусский – опытный вояка, он без малого пятнадцать лет служил под моим началом, так что если вам удастся не попасть ему в руки – не попадайте.

Я молча поклонился и отправился в свою комнату под лестницей – собираться в дорогу. Однако стоило мне войти в дверь этого убогого обиталища, как из столба появилась хмурая бородатая рожица и заговорила с укором:

– Ну вот, говорил я, уходить надо было. Так нет чтобы послушать, а мне теперь что ж – отвечай? Я ль вас не берег? И от боя оградить тщился, и ворота отпертые срастил, и брус летать заставил, когда вам силу свою показать надобно было...

– Вот спасибо... – начал было я.

– Да чего уж там. – Крепостной вытащил из столба руку и махнул ею, отменяя возможный поток благодарностей. – К чему словеса городить. Слышал я, о чем вы с князем толковали. Опасная это затея. Моя бы воля – не пушал бы. Тут недолго и голову сложить. Но уж коли впрягся ты в сей хомут, то хоть напослед умное словцо послушай. Князь тебя

захочет от надвратной башни к реке спустить – не соглашайся. Там враг злой в засаде день и ночь караулит. Скажи, что в полночь темную пойдешь от Зеленской башни. Да чтоб вслед тебе не палили. Ни к чему это. Тихим шагом до леса дойдешь, там уж тебя встретят.

– Кто встретит? – не понимая, о чем идет речь, спросил я.

– *Капитан, шо я тебе скажу. У соседа корова сдохла – мелочь, а приятно.*

– *Ты о чем?* – удивляясь непостижимой извилистости славянской души моего напарника, спросил я. – *От чего сдохла?*

– *От горьких слез!* – возмутился моему непониманию Сергей. – *Ящур загрыз! Приятель твой, Штаден, на бабки попал!*

Система «Мастерлинг» судорожно напряглась, силясь осмыслить и адекватно перевести услышанное.

– *Бабки – это пожилые женщины? Старушки?*

– *Бабки – это лавэ. Они же хрусты. Они же, в данном случае, ефимки.*

Слово «ефимок» было мне знакомо. Происходило оно от весьма распространенной в это время в Европе монеты – «иохиместаллер». В России эта свободно конвертируемая валюта превратилась в «ефимок», а за океаном стала зваться «долларом».

– *«Попал на деньги» – в смысле, обнаружил клад?*

Это толкование озадачило даже Лиса.

– Ну, ты дал! – восхитился он.

– Кто надо, тот и встретит, – объявил в этот момент Крепостной и, должно быть, обиженный моим невниманием, исчез в столбе.

– Короче, – пустился в объяснения Сергей. – *Штаден* у меня мурзу выкупил. Денег за него выложил – немерено. *Щас* татарина хватились – а он был, да весь вышел, шо тот черт от рюмки святой воды.

– Убежал, значит...

– Ага, причем вместе с конем.

– То есть как это? – Я от удивления выронил тяжелую сумку с запасом свинца для пуль и едва успел отодвинуть ногу, спасаясь от увечья. – *В эту крепость на коне не въедешь, в поводу вести приходится. А уж выехать, да еще в темноте?!. Да и вообще,* – перебил я сам себя. – *Мы видели, как открылись ворота. Никаких верховых – ни татар, ни поляков – и в помине не было.*

– Не было, – согласился Лис. – *А Джанибека и след простыл. Штаден бушует шо похмельный тролль. Того гляди на тебя, известного колдуница, это чудо повесят.*

– Спасибо за информацию.

Я окинул взглядом оставляемое имущество и отправился к Вишневецкому, попутно рассказывая Сергею о предстоящей таинственной встрече в лесу.

На счастье, опасения Лиса не оправдались. Побег, пусть

даже весьма странный, был делом обыденным и не выходил за рамки казачьего разума. А уж то, что подобная незадача произошла с опричниками, и вовсе забавляло сечевиков.

Следующим на очереди было мое бегство. Хоть и обещал Крепостной, что все будет хорошо, я невольно ежилась, заглядывая в ближайшее будущее. В силу профессии мне частенько приходилось сидеть в осадах и участвовать во множестве вылазок, поэтому я готов был держать пари, что сейчас за стенами Далибожа наблюдают десятки внимательных глаз. Не пройдет и пяти минут после моего спуска, как почетный караул, подготовленный для встречи, будет готов принять меня в свои тесные объятия. Конечно, на этот случай у меня была заготовлена байка о сбежавшем наемнике, но окажись пан Юлиуш человеком недоверчивым – и дожидаться подмоги оставшимся в крепости довелось бы до второго пришествия.

Я глядел со стены на польский лагерь. За частоколом виднелось множество факелов, слышались возбужденные голоса и ржание коней.

– Может, все же лучше к реке? – спросил Вишневецкий.

– Нет, – я обвязал себя веревкой, – там не пройти.

Казачи ухватились за канат, готовые подстраховать мой прыжок со стены. Когда-то, при обороне небольшой голландской крепости, мне уже приходилось сталкиваться с казацкой манерой быстрого спуска и подъема на стены. Но сейчас перед прыжком я все же изрядно волновался, не придет ли в

голову сечевикам проверять мое колдовское умение, чуток «не рассчитав» длину веревки. Глубоко вдохнув, я сжал зубы, чтобы не заорать, и шагнул в пустоту. Рывок! Обвязка выбила воздух из моих легких, и я открыл глаза. Земля колебалась в ярде подо мной. Два коротких движения кинжалом – и веревка исчезла в темноте, мелькнув змеей напоследок. «Вперед!» – скомандовал я себе, плюхаясь на землю, как лягушка.

– *Путь свободен*, – прокомментировал Лис, наблюдавший со стены.

В считанные минуты я преодолел ров и вскарабкался на вал. Польский лагерь гудел. До ушей доносились обрывки речей и бряцанье оружия, но, казалось, никому не было дела до того, что творилось за частоколом.

– Все спокойно! – над моей головой прокричал часовой, и я опрометью бросился к темневшему впереди лесу, ожидая если не выстрела, то хотя бы окрика. Ветви кустарника приняли меня, как руки восторженных болельщиков – спринтера-чемпиона. Я упал в густую траву, переводя дух. Строго говоря, требование Крепостного было исполнено в точности. Вокруг, несомненно, красовался лес. Вот только как ни крутил я головой, как ни напрягал глаза, увидеть каких-либо встречающих не удалось.

Я вздохнул и поднялся. Таинственное свидание, похоже, не состоялось. Но это не отменяло поставленной задачи.

«Долго ли, коротко ли», как пишут в русских сказках, я

шел в направлении далекого Струменца, моля Бога спасти меня от местных болот, оврагов и волчьих стай. Потому, когда позади раздался громкий треск ломаемых ветвей, я с досадой понял, что попусту тревожил небеса. Избежать погони не удалось, оставалось сбежать. Укрыться за толстым стволом дерева было делом секунды. Треск приближался. Я чуть выглянул, стараясь рассмотреть преследователей. Рассмотрел и отпрянул. Это не был польский дозор. Не был это и почуявший добычу зверь, во всяком случае, какой-либо известной породы. Ко мне резвым аллюром скаковой лошади, неведь чем ломая ветви, мчался огромный глаз. Вокруг него темнело нечто странной формы. Я выхватил пистоль, целя в яблочко светящейся мишени, и в тот же миг сильный удар отбросил меня в сторону. Я вскрикнул от боли и попытался вскочить на ноги, но было поздно. В свете обглоданной луны надо мной висела огромная, когтистая птичья лапа.

Глава 5

И у нечистой силы есть свои слабости.
Солоха

Если бы кто-нибудь обвинил представителя рода Камдейлов в трусости, ему бы пришлось иметь дело этак с полусотней джентльменов, овеванных ратной славой, представляющих ныне эту старинную фамилию. А уж если бы подобные обвинения достигли мира духов – отряды воинственных призраков выстроились бы в полуночной тиши, недобро фосфоресцируя и горя желанием разорвать бесчестного клеветника. Но одно дело – прямая схватка с противником, пусть даже очень свирепым, но вполне предсказуемым, совсем другое – с неведомым монстром, притаившимся в чащобной глухомани на самом краю Европы.

Холодный пот окатил меня точно из ушата. Неведомо откуда взявшиеся мурашки, преодолевая течение, ринулись метаться по всему телу, превращая высокородного аристократа в своеобразное чудовище – человек-муравейник. Одноглазый монстр, вероятно, почувствовав родственную душу, застыл с поднятой ногой, а затем, передумав расправиться с загнанной жертвой, а возможно, попросту опасаясь промочить лапы, аккуратно опустил конечность в паре дюймов от моей головы. Не могу утверждать, чем именно была

вызвана такая гуманность, но она давала мне еще один шанс на спасение. Стараясь не дышать, я начал медленно выполнять из опасной зоны, попутно шаря вокруг в поисках выбранного оружия.

– Опять за пистолетом тянешься, сокол ясный! – раздался в ночной тиши скрипуче-насмешливый старческий голос.

Я шумно выдохнул. Самое время было потерять сознание от ужаса, что, возможно, и случилось бы, когда бы хриплый окрик, похожий на карканье простуженного ворона, не показался мне смутно знакомым.

– О, мадам, – прохрипел я, выползая на волю.

– Ну-тка, избушка... – послышалось из чрева монстра, теперь уже обретшего вполне ясные и довольно знакомые очертания. – Стань-ка, старая, как я поставила, повернись к молодцу крыльцом.

Стоило чуть замешкаться – и внезапная встреча с углом дома была бы неизбежна. Я едва успел отскочить в сторону. Самобеглое жилище опять пришло в движение, и вместо полыхающего во тьме круглого глаза-окна передо мной объявилась лестница в три ступени, удивительно похожая на отвисшую нижнюю челюсть.

– Заходи, касатик, – донеслось из избушки ласковое скрипение довольно жуткого тембра. – Заходи, Воледарий, друг милый!

Двух мнений быть не могло. Пожилая леди, столь настойчиво зазывавшая в гости ночного путника, величалась в

здешних широтах Бабой-Ягой Костяной Ногой, хотя, по моим наблюдениям, с ногами у почтенной дамы все в полном порядке.

Надо сказать, что прежде нам с Лисом уже доводилось встречаться с этим ужасом детских сказок. Однако, как показал наш опыт, хозяйка бегающего домика оказалась женщиной хоть и эксцентричной, но весьма приятной во всех отношениях. Не знаю, что бы мы делали без нее во время первой моей командировки. По правде сказать, тогда неотразимое обаяние Лиса пленило не избалованную вниманием пожилую леди. И теперь, поднимаясь по лестнице, я шел почти без опаски. Нельзя сказать, чтобы эта встреча меня не радовала, но кое-какие мелочи все же удивляли несказанно.

Во-первых, прошлое наше randevu состоялась на волжских кручах, и тогда Баба-Яга изъявляла желание искать себе пристанище за Уралом, в глухих алтайских урочищах. Во-вторых, те знаменательные события происходили на двести, точнее, двести четыре года позже нынешнего свидания. И что уж совсем, как выражался мой напарник, не лезло ни в какие ворота – описанное знакомство состоялось в совершенно ином мире. Если для нас, сотрудников Института экспериментальной истории, такие перемещения входили в обычный круг должностных обязанностей, то избушка, даже учитывая наличие курьих ног, весьма условно могла считаться «камерой перехода». Разве что с места на место.¹⁶

---

¹⁶ Подробнее об этой встрече можно прочесть в книге В. Свержина «Трехгла-

Ступени проскрипели нечто тревожное у меня под ногами – совсем в духе Хичкока. Уж не знаю, сама ли милая старушка была столь осведомлена в голливудских канонах, или просто дерево рассохлось в нужной тональности, но и на вид, и на слух «челюстное» крыльцо производило неизгладимое впечатление.

– Доброй ночи, мэм, Бабуся-Ягуся! – неуклюже кланяясь в пояс, елейно приветствовал я хозяйку, максимально пытаюсь походить на Сергея. – Во здравии ли пребываете?

– Да уж прибыла, – радостно ощерилась «мэм», опровергая расхожее мнение о том, что Баба-Яга испокон веку обходится единственным зубом. Пожалуй, оскал собаки Баскервилей в сравнении с этим мог показаться наивной улыбкой ребенка. – А ты все воюешь, добрый молодец?

– Как придется, – уклончиво ответил я, на всякий случай оглядывая необычайное жилище.

– А дружок твой где?

– В крепости остался, – честно ответил я, включая связь. – Подранили его.

– Н-не хорошо, – нахмурилась Баба-Яга, и сидевший на лавке нечеловеческих размеров черный кот поспешил скрыться за печкой так быстро, что его приветственное «Мяу!» еще продолжало висеть на прежнем месте после исчезновения хвостатой твари.

– А ведь я Крепостному строго-настрого заповедовала бе-

речь вас пуще глаза. – Ее тон не предвещал моему «столбовому» знакомцу ничего хорошего. – Ну а ты куда смотрел?! – напустилась она на меня, потрясая сучковатой клюкой. – Пошто ворон считал? Отчего не убег?!

Избушка, пожившись, нерешительно переступила с ноги на ногу. В воздухе отчетливо запахло кладбищенской сиренью.

– Врубай громкую связь! – завопил в голове Лис. – У нее ж семь пятниц на неделе, и все тринадцатого числа! Схарчит и шпоры не выплюнет!

– Миледи! – отступая к порогу, начал я, торопясь выполнить команду Сергея.

– Тамбовский волк тебе миледи! – не унималась разгневанная повелительница чащобной нечисти. Но это был последний раскат грома, потому что в это самое мгновение голос, звучавший в моей голове, «вырвался» наружу, превращая меня в своеобразного чревовещателя.

– Ба, какие нелюди! Шо за встреча! Бабусенька-Ягусенька, роднуля яхонтовая! В счастливый час – счастливая минута!.. – Нежное воркование Лиса хлынуло из моих уст, как бальзам на раны из пожарного брандспойта. – А за меня не волнуйся. То шо, раны? То тю, а не раны. Брился – порезался.

По мере Лисовых излияний яростная гримаса все больше превращалась в лицо милой, разве что очень зубастой старушки.

– Ой, а что ж это я тебя все в дверях держу? Заходи, гость дорогой, присаживайся. У меня как раз и самовар поспел. Извини, чай на Русь Московскую еще не завезли, так что по старинке – на смородиновом листе. Тебе с патокой али с медом?

Спустя час о легком недоразумении было забыто. Черный кот, свернувшись клубком, уютно мурлыкал, время от времени потягиваясь и пуская искры от ушей до хвоста. Выглядели эти электрические разряды впечатляюще: казалось, что происходит короткое замыкание, причем довольно длинное.

– Намедни у одного кудесника светильню новую приобрела, – заметив мой интерес к проявлению «животного электричества», пояснила хозяйка, прихлебывая смородиновый чай из отделанного серебром черепа. – Силы неимоверной! Две тыщи лучин, а то и больше. Да ты его уже, поди, видел – вон, у оконца стоит. Только вот беда – чаровник тот сказывал: «Есть где-то заветный источник, зовется он „Источник энергии“. А где его искать – кудесник и сам не ведал. Так что пришлось бедного котейку к делу приспособить. Днем он по лесу шастает, силы чудодейской набирается, а ночью о светильню трется, покуда та ярче пламени не запылает. Замаялась совсем животинка. – Старушка вздохнула и пододвинула блюдечко с малиной.

Как мне уже доводилось видеть в прежнее время, это блюдечко работало своеобразным телевизором, правда, с на-

прочь отключенным звуком.

— А и то сказать, — продолжала Баба-Яга. — Не шастай чер-нохвост по окрестным дубравам — глядишь, и не встретились бы. Вчера днем бегал, да на том берегу котелок близ кострища сыскал. Еле за уши его оттащила — знатный кулеш был. Ну, я-то человеческий дух за версту чую, а коли не мыться, то и далее. Принюхалась — не иначе как мил дружок Лис побли-зости озорует. Глядь в блюдечко — и точно, вы тут. Откуда только взялись!

Признаться, тот же вопрос мучил меня, но только по от-ношению к собеседнице. Однако задать его я не решался, да и перебивать истосковавшуюся по общению хозяйку было бы крайне невежливо.

— Глянула я, как вас в Далибож везут, на бараньей лопатке погадала. Как ни кидай — неладное место выходит. А тут еще сорока на хвосте принесла, что ляхи в великой силе к кре-пости идут. Вот уж я всполошилась! Кабы вы Крепостного послушали, сейчас бы оба-два здесь в уюте и тепле сидели и горя себе не знали.

Баба-Яга глубоко вздохнула, откровенно сожалея, что вражья сабля ранила не меня, а Лиса. Честно говоря, сооб-щение о сороке, принесшей на хвосте весть о приближении польского отряда, меня несколько озадачило. Как, впрочем, и само по себе появление этого немалого войска посреди рус-ских земель.

Конечно, я знал, что принцип «Речь Посполитая сильна

раздорами» сводит на нет любые мирные договоры, подписанные королем Польши. Всякий магнат, имевший под своим началом сотню-другую верных сабель, мог пуститься в набег, нимало не заботясь о чьих-то там соглашениях и прочей чернильной ерунде. Но отряд, который привел к стенам Далибожа пан Юлиуш Стамбрусский, был куда больше двух сотен. А сам полководец не числился среди коронной знати. Стало быть, мы имеем дело не с банальным набегом и не с предательством одиночки, а с крупным заговором, войсковой операцией, имеющей целью ликвидацию или захват князя Вишневецкого. Кто-то показал дорогу полякам в обход бдительно охраняемой засечной линии, кто-то провел незаметно почти две тысячи всадников, кто-то открыл ворота...

В общем, мне было о чем расспросить сороку. И не ее одну.

– Вот, поди, не думала не гадала, – продолжала изливаться леди Яга, – что вас тут встречу. Оно ведь это ж мне вольно под разными лунами блуждать, препону и удержу не зная... А вы-то как?

Я набрал в легкие воздух, лихорадочно соображая, как объяснить вполне себе материальному персонажу местных сказок факт существования фантастического, по сути, Института экспериментальной истории. Но, похоже, разговорчивая дама ответа на свой риторический вопрос не ожидала.

– Э-эх, – грустно запустив когтистые пальцы в седые космы, проговорила она, глядя, кажется, сквозь меня. – А и то

сказать, какие только чудеса в мире не творятся. Вот, к примеру, стояли мы с избушкой в чащобах близ Новгорода Великого. Леса там первостатейные, знатные, не чета тутошним. Но и там, случается, живая душа на огонек приходит.

Система «Мастерлинг» исправно сделала свое дело. Я поставил чашку на стол и в недоумении уставился на хозяйку дома.

– Да ты чё подумал, касатик?! – Баба-Яга обиженно закричала и поставила череп на столешницу. – Это я не в смысле поджарить, а в смысле поговорить. Так вот забрел ко мне надысь добрый молодец преклонных годов. Сам по себе земле топ из тех, что по ярмаркам ходят да за кормежку и ночлег сказания о былых днях рассказывают. Есть я его не стала, и без того сыта была, а вот байку послушала.

Молвил он: копали в Новограде на прусском конце колодец, как вдруг лопата возьми, да и стукнись об что-то твердое. Хозяин решил было, что в яме клад обретається. Известное дело, те места до века богатыми слыли. Позвал работников сундук вытянуть – насили достали. А оно и не сундук вовсе, а Перун деревянный. И таков он, будто в землю лег лишь вчера. В руках же у него не то чтобы ларец, но вроде как туесок березовый, пчелиным воском обмазанный. Вскрыли его – там грамота, самим Рюриком писанная да перстнем его опечатанная. Рассказывает в ней князь, что в былые годы, когда еще он на стол новгородский зван не был, а промыслом варяжским богатство и славу добывал, случилось ему в набеге

стоять под стенами большого алеманнского города. Сколько ни бились, а войти в него не могли.

Тогда Рюрик удумал хитрость. Как-то поутру пришел он под стены того города и говорит: мол, было ему видение – должен он принять ту веру, какая у алеманнов есть. Горожане долго рядили, однако же прислали Рюрику какого-то болтуна-книгочея, в их святом писании сведущего. Долго они промеж собой беседовали, а после конунгу в храме крест нацепили. За ним спустя день братья последовали – Синеус и Трувор, – а уж за теми и вся дружина запросилась. – Баба-Яга плотоядно ухмыльнулась, откровенно радуясь хитрому умыслу циничного викинга. – Горожане ворота открыли, тут-то им карачун и пришел. Под рубищем у варягов мечи припрятаны были. Добычу Рюрик захватил огромную, только не по горлу кусок вышел – настоятель храма, ставший конунгу отцом крестным, успел проклятие на него страшное наложить.

С тех пор не ведал Рюрик покоя. Недоброе с конунгом случилось: днем он, как и прежде, человеком был, ночью же соколом оборачивался и всякого, кто случался рядом, терзал без жалости. А едва солнце всходило, вновь обретал человеческий облик, только кровь пролитая душу его жгла.

Конунг в глухом краю в Ютландии жить стал – один-одинешенек, как перст, все тщился проклятие избыть. Да только и там для него жертвы находились. Скоро прокатилась по берегам варяжского моря весть о смертоносном соколе, чей

клюв крепчайшие шлемы пробивает, когти любые кольчуги в ключья рвут, а крылья разят, точно кинжалы булатные. И что приметно, рыбарей да поселян сей аспид крылатый не трогал, а стоило ему варяга узреть – бросался на него и разил до смерти. В глаза конунга никто обвинить не мог, но молва о нем шла недобрая, потому как из той дружины, что некогда с ним у стен алеманнских стояла, мало кто жив остался.

Однако же сколь ни быстро молва шла – за море, видать, не добралась. Как стал помирать в Новограде правитель словенский, Гостомysl, решил он избрать себе наследника. Его сыновья давно уж в боях сгинули, вот и призвал он сына дочери своей – Рюрика. Пришли гонцы к нему в Ютландию и молвят с порога: «Страна у нас богатая, порядка только нет, а потому иди к нам княжить». Не хотел конунг, отказывался, но тут из ряда нарочитых мужей сединами убеленный старец выступил, Корнила Сварожич, и речет в голос: «Когда хочешь судьбу злую избыть – путь тебе прямой к берегам Ильмень-озера, на высокое княжение». Послушал его Рюрик, взошел с послами на корабль и отправился с поклоном к Гостомysлу, перенимать бразды правительские. Только доплыл – старый властитель дух испустил. Стал новый князь править мудро и отважно. Злой ворог на его земли ступить опасался, а всем добрым людям в них покой и процветание были. Даже проклятие вроде как послабше стало – теперь лишь ночные лиходеи да разбойники ему в добычу попадали. Но тут по морю издалека приплыли к Новограду братья

Рюриковы – Синеус и Трувор. Они уж давно сами в походы дружины водили, а тут прослышали, что старшак их в Гардарике,¹⁷ Новгородской землей правит, и пришли к нему братской доли от его владений просить.

Рюрик хоть и рад им был, но, увидев, закручинился. Вестимо, было от чего. В первую же ночь один из тех варягов, что с ними на алеманнов ходил, от железных когтей дух испустил.

Тогда Рюрик дал Трувору в правление землю Изборскую, Синеусу – Ладожскую. И велел из тех краев в Новоград не ездить. Послушали его братья, да ненадолго. Тесно им, вишь, стало в вотчинах своих. Кровь варяжская рекой полилась. Что ни ночь – кто-то из дружинников смертушку лютую находил. В недобрый час сговорились Синеус и Трувор извести железного сокола. Взяли сети да стрелы и отправились навстречу погибели.

Как ни силился Рюрик отвести беду от родичей, а все ж обагрил себя кровью их. Легли молодые ярлы на зеленый мох, в сыру землю, а сокол над ними все кружился, кружился, пока на ясной зорьке безутешным князем не обернулся.

Пал он на тела братьев – ни жив ни мертв. Тут-то и объявился пред его очами древний старец Корнила Сварожич и молвил правителю новгородскому слово мудрое, горним ветром нашептанное: «Прегрешения твои былые мудрым правлением и праведными деяниями искуплены. Все прочие раз-

---

¹⁷ Гардарика – скандинавское название Руси (Гряда городов).

бойники, кои в Алеманнию ходили, тобою же смертельно и покараны, а чтобы душа княжья, кровью, точно яблоко червем, изъеденная, вновь обелилась, надлежит ей отдых дать. А когда придет час, отверзнутся вновь твои очи, и душа станет светлою да чистою. Покуда же в беспробудном сне пребудешь, как зерно под снегом». Так, ежели сказителю верить, записал князь, и печать свою на том приложил.

Баба-Яга вздохнула.

– Занятная история, – отозвался я. – Но мне уже доводилось слышать нечто подобное и о короле бриттов Артуре, и об императоре Фридрихе Барбароссе, и о герцоге Бургундии Карле Смелом. Спящие правители...

– То-то же и оно, – перебила хозяйка, не давая мне блеснуть познаниями. – И то сказать, я вот Корнилу за этим столом сколько раз потчевала, а истории такой от него не слыживала. Да и Рюрика помню. Нрава он был крутого, на руку тяжел. Но чтоб соколом оборачиваться – такого за ним не водилось. Не желаешь ли еще чайку смородинового, гость дорогой? – Пожилая леди кивнула на пузатый тульский самовар, прихваченный явно из другого времени.

Я молча кивнул, обдумывая сказание. Специфика работы заставляла неоднократно убеждаться, что древние предания, порою казавшиеся детскими сказками, на поверку обрачивались ценнейшей информацией, куда более достоверной, чем, скажем, подобострастные монастырские хроники. Исследователи подобных текстов, несомненно, обратили бы

внимание на совпадение ряда фактов с истинной биографией Рюрика Ютландского и «Повестью временных лет», сообщавшей о призвании Рюрика и братьев его на Русь. Ученые историки, в том числе – наши, институтские, непременно ухватились бы за этот документ, чтобы скрупулезно исследовать. А уже то, что имя Рюрика, собственно говоря, и означало «сокол», и вовсе стало бы для них непреложным доказательством его истинности. Но передо мной, прихлебывая из черепа, сидела живая свидетельница, по словам которой выходило, что какой-то древний новгородский купец просто вздумал разыграть будущих археологов и подsunул им заведомую дезу. С такими забавами мне прежде встречаться не доводилось.

– А что еще говорил сказитель перехожий? – заинтересовался я, чувствуя, что дремлющий в сердце каждого англичанина дух исследователя проснулся и требует пищи.

– Да всяко сказывал, – пожала плечами Баба-Яга. – Говорил, будто с той находки местный люд пробуждения Рюрикова ждет. Молвят: «Царь Иван-де роду чужеродного – не исконной крови. Оттого и злодействует. И, стало быть, коли идол Перунов нашелся, то в скором времени и сам Рюрик ото сна очнется и крылья железные расправит, чтоб злого врага покарать».

– Вот как, – промолвил я и едва успел закрыть рот, чтобы не прикусить язык – в этот момент избушку потрянуло с такой силой, будто посреди Среднерусской возвышенно-

сти произошло землетрясение. Самоходное жилище, до того мчавшее по лесной чаще подобно гигантскому страусу, замерло на месте, слегка завалившись набок.

– Ой, лихо недоброе! – всплеснула руками Бабуся-Ягуся, роняя свой необычайный кубок на цветастую скатерть.

Лужа кипятка стала расползаться все шире, и в комнате раздался крик вроде того, которым орут албанские торговки жареными сосисками у стен Букингемского дворца:

– Ах вы, аспиды, псы поганые, байстрюки! Пададь исклеванная, навоз запревший...

«Скатерть-самобранка», – догадался я, вспоминая первую встречу с Бабой-Ягой на пути к Пугачеву.

– Твари безродные, ноздри рваные...

Сама бранится, никому слова вставить не дает.

– Шелупонь за...

– Цыть!!! – грозно скомандовала Баба-Яга, прервав разбушевавшийся текстиль. – Не гони суховей – цветы завянут! Просохнешь – неровно полиняешь.

Скатерка нервно дернулась, расправляя едва заметные морщины и демонстрируя вытканые букетики незабудок в их первозданной красоте. Когда возмутительница спокойствия уgomонилась, Баба-Яга с дряхлым кряхтением вылезла из-за стола и тут же с неожиданной прытью рванула за порог конвульсивно подергивающейся избушки.

Когда я, едва поспевая за ней, выбрался на крыльцо, штормовое волнение улеглось, и пол уже не качался. Пожи-

лая дама сидела на увитом плющом стволе поваленного вяза и сочувственно поглаживала левую курью ножищу своего дома. Диагноз был ясен: не разобрав в темноте дороги, избушка на всем ходу влетела, словно в капкан, меж толстенных ветвей развилки мертвого дерева. Насколько я мог судить о подобных травмах, здесь имелся вывих, а то и перелом. Избушка жалобно поскрипывала, ее хозяйка чуть слышно нашептывала слова не то утешения, не то заклинания.

– Все, отбегайтесь, – заметив мое появление, прокомментировала раздосадованная старушка.

– Я могу чем-то помочь?

– Чем тут поможешь? Я уж Лешего кликнула. Куда только смотрит, шишкоед мохнорылый. Ни пройти, ни проехать! От самого Новгорода кочуем, а такого не было. Ужо взыщу с него, чтобы впредь знаки упреждающие подавал.

– Да как же тут подашь? – слышалось ворчание из кустов.

Затем поваленное дерево начало само собой подниматься и, встав торчком, рухнуло в сторону.

– Как подашь, я вас спрашиваю?

Перед избушкой возник долгобородый лесовик в шапке грибом.

– Сов, почитай, вовсе не осталось. Бродит тут одна ведьма заморская, ловит их, да в свой чертог за тридевять земель отсылает. Сказывают, там из них вестовых птиц делают, наподобие голубей. – Леший недовольно потянул воздух носом. –

Вот таким вот самым духом ведьма пахнет.

Он ткнул в меня корявым пальцем. Баба-Яга сверкнула темными очами.

— Эк вас тут развелось! И у Новограда ваш брат гуляет, и здесь нечисть пришедшая колобродит.

— Так, может, этого... — он сделал многозначительную паузу, кивнув на меня, — ...того?

— Нет, этот свой. Я его почитай двести лет тому назад... Тьфу... Тому вперед... Тьфу! В общем, давно знаю.

Она повернулась ко мне:

— А ты уж извиняй, касатик. Дальше пешим отправишься.

От кустов, где располагался Леший, слышалось довольно мерзкое хихиканье. Можно было только догадываться, что так повеселило хранителя чащоб, но отчего-то идти дальше в одиночку не хотелось. Во всяком случае, до рассвета. Наверняка Лис на моем месте не растерялся бы и быстро нашел общий язык со всей местной нечистью. Не сомневаюсь, он бы из такой переделки вернулся с полным лукошком грибов и ягод. Для меня же нравы этой публики были книгой за семью печатями. Однако в запасе оставалась закрытая связь.

— *Шо опять не так?* — Мой недовольный товарищ попытался отмахнуться от вызова. — *Я полчаса назад ушел на боковую. Какие проблемы?*

— *Избушка Бабы-Яги ногу вывихнула,* — не замедлил ответить я.

– Это не ко мне. Это на станцию ветеринарного техобслуживания. Там у них развал, свал и вулканизация когтей.

– Понимаешь, тут вокруг Леший бродит...

– Русалка на ветвях сидит...

Я удивленно огляделся.

– Нет, русалки не видно, впрочем, темно.

– Сам ты темный! – возмутился Лис. – Я тебе о нетленном, об А.С. Пушкине, об этом небьющемся зеркале местной природы. Тут тебе и Черномор с «Беломором», и цепной кот с дипломом, и ступа с... Вальдар, а правда, шо ты паришь-ся? Попроси у бабули ступу!

Вершины корабельных сосен мелькали вокруг точно вешки перед несущимся по склону лыжником. Сейчас я воочию мог убедиться в правоте и гуманизме любезной Бабы-Яги, сомневавшейся в моей способности пилотировать столь необычный летательный аппарат.

Полученный мною некогда опыт управления легкомоторным самолетом оказался в этом деле абсолютно непригодным. Начать с того, что я, как ни бился (в том числе – о деревьях), так и не понял принцип работы двигателя. Каким образом механическая ударная обработка воды может поднять в воздух деревянное бескрылое устройство, так и осталось для меня загадкой. Но это было еще полбеды. Основная проблема началась тогда, когда выяснилось, что управление ступой осуществляется при помощи агрегата, никак не связанного с

корпусом. Причем в наших краях этот агрегат использовался в качестве средства для воздушных перелетов сам по себе. Прежде мне доводилось читать о ведьмах, мчавшихся на шабаш, оседлав метлу. Теперь же представилась возможность искренне посочувствовать этим дамам. Одно неосторожное движение – и ступа летела под облака, как пробка из бутылки шампанского, или же норовила камнем рухнуть наземь.

К счастью, Струменец был уже в зоне прямой видимости, и я мчался к нему, распугивая рассветных жаворонков и моля небеса даровать благополучную посадку.

«На счет „три“ помело на вершок поднять, – лихорадочно повторял я наставления хозяйки агрегата. – О господи, кто б сейчас напомнил, сколько дюймов в вершке!»

Земля стремительно приближалась. Ступа как наведенная мчала к конечному пункту. Баба-Яга не зря шептала ей что-то перед вылетом.

«Хоть бы не промахнуться мимо сеновала», – прошептал я, пролетая над частоколами, длинными жилищами-курениями и коновязями, у которых, почуяв нечистую силу, рвали удила сотни лошадей.

– *База вызывает Джокера-1, —* прожурчало у меня в голове. – *Джокер-1, ответьте базе.*

Глава 6

Правда – это только сырье, из которого мы делаем истину.

Эдгар Гувер (шеф ЦРУ)

Никогда ранее мелодичный женский голос не был мне столь неприятен. Я нервно дернулся, помело ушло в сторону, и ступа, описав широкую дугу, устремила в отдаленную соломенную крышу. Приземление обещало запомниться на всю оставшуюся жизнь, сколько бы там ее ни осталось.

Внизу суетились разбуженные испуганным ржанием лошадей казаки. Никому из них и в голову не приходило глянуть вверх, чтобы обнаружить причину внезапной побудки. Между тем «причина» со скоростью пушечного ядра врезалась в крышу и, разметав на пути этак центнер соломы, рухнула вниз. Не уверен, что Баба-Яга использовала для торможения такой же прогрессивный метод, но в этот раз Господь, который, как известно, хранит пьяных, дураков и американскую армию, оказался милостив и ко мне. Под крышей, на мое счастье, находился огромный сеновал. Я пробил его почти насквозь, во всяком случае, мне так показалось. В тот же миг ступа выплюнула меня, словно катапульта, и, избавившись от груза, взмыла к небесам сквозь пробитую нами амбразуру, с хлюпаньем всосав по пути застрявшее в крыше

помело.

– База вызывает Джокера-1. Джокер-1, ответьте базе.

Барышня-диспетчер несказанно удивилась бы, услышав, какая брань может сыпаться из уст высокородного лорда Уолтера Камдейла. На ее счастье, итонское воспитание дало свои горькие плоды.

Выпустив пар, я взял себя в руки и обнаружил под ними забившийся в кольчугу запас сена, достаточный для прокорма некрупного шотландского пони.

– База «Европа-центр», я Джокер-1, — выплюнув небольшой букетик клевера, наконец отозвался я.

– Почему не отвечаете?! – накинулась на меня обладательница голоса, вновь ставшего приятным.

– Был немного занят, – продолжая доставать конский фураж из ноздрей и ушей, уклончиво ответил я.

– Чем? – возмутилась диспетчер. – Где вы вообще находитесь?

– На сеновале.

На канале связи воцарилось молчание. В этот миг казаки, наконец обнаружившие по следам разрушений место моего приземления, гурьбой вломились на сеновал, чтобы немедленно разобраться с залетным гостем. В руках встречающих не были замечены букеты цветов, их лица не отличались дружелюбием.

– Руби! – во всю мочь кричали одни.

– Вяжи! – орали другие, и это меня устраивало куда боль-

ше.

Но голосу базы было не до моих неприятностей. Девушку явно занимали совершенно иные проблемы.

– *Джокер-1, вы не один?* – кокетливо раздалось на канале связи.

– *Не один*, – честно сознался я.

– *И кто она?* – завороченно вздохнула диспетчер.

– *Не она, а они*, – рубанул я правду, вылезая из сена навстречу слегка опешившим казакам.

Не знаю уж, что они надеялись увидеть, но мой внешний облик определенно вызвал у них недоумение. Видимо, такие европейские «птицы» нечасто залетали в Струменец, да еще через крышу.

– *О-о-о?!* – В тоне барышни слышалось удивление, смешанное с почтением.

– *Не «о-о-о», а два десятка головорезов*, – оглядывая толпу, возразил я. – *Так что я еще занят.*

В этот момент к одному из казаков вернулся дар речи, и сечевик кратко, но довольно емко подытожил результат общих наблюдений:

– Тю! Шпийон!

Это утверждение моментально расставило все точки над «і» в головах казаков, а способ транспортировки потерял особое значение. Самое время было что-то предпринимать, поскольку впредь подобный шанс мог и не представиться.

– Мне срочно нужен войсковой осавул Олекса Рудый, –

командно рывкнул я без намека на какой-либо акцент. — Я гонец от гетмана Вишневецкого.

— Гонец от Байды, — пронеслось по рядам казаков тихое шушуканье. — Ишь ты...

Имя любимого отца-командира воистину творило чудеса. Вряд ли доставка гонцов авиапочтой была здесь обычным делом, но Вишневецкий для этой увешанной оружием голытьбы был воплощением Бога на земле. Связанные с его именем чудеса воспринимались сечевиками как нечто вполне естественное, почти обыденное.

Через считанные минуты я уже стоял перед войсковым есаулом.

Что скрывать, к казакам в Европе зачастую относились как к дикарям. Когда полуголые, в рванине, эти смуглолицые силачи вступали в города Германии, Голландии, Франции, местное воинство, делавшее перерывы в ходе боевых действий для стирки кружев, удивленно таращило глаза. Но когда дело доходило до кровавой схватки, курень запорожских сорвиголов стоил доброй сотни, все равно — рейтар или аркебузирова — всякой королевской армии. Сызмальства приученные не бояться ни бога, ни черта, ни вороньего грая, в любой час готовые рубиться с врагом, эти доблестные воины отличались еще одной существенной особенностью — не было в Европе войска такого быстрого, как это.

Как и предполагал Вишневецкий, стоило Олексе Рудому

увидеть печать гетмана на доставленном пакете, и боевая труба протрубила казакам поход.

Утро следующего дня выдалось на редкость тихим. Лучи раннего летнего солнца наперебой соревновались, окрашивая в яркие радостные цвета мелкую речную зыбь. Над стенами Далибожа слышались окрики стражи. Из польского лагеря им вторили насмешливые голоса неторопливо завтракающих жолнеров.

– Ну шо, капитан, с меня бутылка! – раздалось на канале связи жизнерадостное восклицание Лиса. – Я уже вижу твой нос. То есть не твой, а корабля.

– При чем тут мой нос к бутылке? – насторожился я. – Что ты еще задумал?

– Хороший нос бутылку за версту чувствует. Но это не о тебе. Это так, взагали...

– А ну выкладывай!

– Да шо ты кипятишься, как одноразовый шприц много-разового использования? Я ж, буквально следуя твоему приказу, был яростным борцом за справедливость в полутяжелом весе.

– Что-то я не помню такого приказа, – с сомнением проговорил я.

– Ну как же?! – деланно возмутился мой напарник. – Ты распорядился сообщить Вишиневецкому, шо утром вы прибываете. Он мне возразил, шо ты в лучшем случае вчера вечером

только добрался, а значит, подкрепление может подойти не раньше завтрашнего дня. Ну, я ему натурально, крест на пузе, говорю, век статуи Свободы не видать. А он – ни в какую. Вот мы с князем и поспорили... – Лис засмеялся, – ...и не только с ним.

– На что?

– Да какая разница. Так, по мелочи. Ну, в общем, если мы победим, то Далибож наш.

– А если не победим?

– Тоже наш, но воспользоваться этим мы уже не успеем.

Между тем нос корабля, да и весь корабль стали видны не только остроглазому Лису, но и всем защитникам крепости. И уж конечно, осаждающим ее ляхам. Большая двадцативесельная чайка неспешно шла по спокойной воде, явно собираясь пристать к пирсу под стенами Далибожа. Так делали все корабли, шедшие этим маршрутом. Как я уже говорил, ниже по реке находился довольно неприятный порог, и если легкое суденышко с опытным лоцманом еще могло его миновать, то весь груз приходилось везти по берегу. Более тяжелые корабли, вроде днепровского байкака,¹⁸ и вовсе надо было тащить волоком, минуя опасную каменную гряду. Наше судно, если смотреть на него с берега, выглядело перегруженным, так что стоянка у пирса казалась неизбежной. По-

---

¹⁸ Днепровский байкак – речное (как правило, использовалось в бассейне Днепра) грузовое судно XV–XVIII вв., обычно двухмачтовое.

веселевшее в ожидании легкой добычи панство с нескрываемым интересом глазело на большие винные бочки, которыми был заполнен корабль. Немалая часть шляхты, столпившись на берегу у самого обреза воды, оживленно размахивала руками, призывая нас поскорее бросить якорь. Но если бы поляки сейчас могли наблюдать, что происходит за бочками, пожалуй, они не стали бы так веселиться.

– Лей вар! – тихо скомандовал Олекса Рудый, и спорые казаки начали лить кипяток в пустые винные бочки.

– Забивай чоп! – последовала новая команда.

Поляков могли бы смутить доносившиеся с корабля глухие удары, но они были слишком поглощены сладким предчувствием легкой добычи, чтобы обращать внимание на подобную ерунду.

– Правь к берегу!

Корабль был уже совсем рядом с пирсом, когда прозвучала очередная команда.

– Сходни за борт!

Такая команда могла бы казаться музыкой для тех, кто ждал на берегу. Однако на сей раз для многих эта музыка стала похоронным маршем. Наполненные винными парами дубовые бочки, на треть залитые кипятком, от тряски взрываются не хуже пушечных ядер, а если принять во внимание размеры – даже лучше. Сходни, по которым они должны были катиться на берег, не доставали до земли всего-то одного ярда, но этот ярд дорогого стоил. Привязанный к каж-

дой из импровизированных катапульти мешок с камнями, по команде сброшенный в воду, давал вполне достаточный импульс, чтобы взведенная тряской деревянная бомба прилетела в толпу и разорвалась с ужасающим грохотом и неисчислимым количеством острой дубовой щепы. Стоило отгреметь первому взрыву и первым раненым огласить пристань криками боли и ужаса, как утро вмиг потеряло безмятежную прелесть. Дождавшись сигнала, из крепостных башен гулко рывкнули гакавницы,¹⁹ им вторили пищали защитников Далибожа. Не успел пороховой дым развеяться над округой, как с борта чайки последовал новый залп, потом второй и третий. Засевшие на корабле сечевики не тратили времени даром, а оставшиеся там бочки не были простым антуражем. Часть из них, стоявшая у бортов, служила баррикадой, из-за которой велся огонь, в прочих же находилось загодя приготовленное оружие. Залп следовал за залпом, не давая полякам опомниться, чтобы изготавиться к обороне. Когда же из леса, развернувшись в лаву,²⁰ ударили пять сотен верховых, сметая все на своем пути, паника в лагере Стамбрусского достигла апогея. Казалось, никто уже не помышлял отразить врага, по-прежнему еще довольно малочисленного. Единственное, что занимало вчерашних храбрецов, – это непреодолимое желание оказаться как можно дальше от

---

¹⁹ Гакавницы – тяжелые крепостные пищали, нечто среднее между ручным оружием и пушкой.

²⁰ Лава – широкий и неглубокий строй кавалерийской атаки.

места боя.

Отряд шляхты, охранявший подступы к Далибожу на противоположном берегу и не попавший под ураганный обстрел, собрался было прийти на помощь, но, увидев выходящие из-за речной излучины новые чайки с десантом, предпочел отступить в лес.

Следующий удар одновременно из крепости и с кораблей окончательно сокрушил и без того вялое сопротивление поляков. Бросая оружие, жолнеры побежали туда, где, как им казалось, опасность подстерегает их менее всего. Сломая голову они мчали в сторону порогов – туда, где вода с грохотом срывалась со склизких камней, туда, где с нетерпением поджидали их свежие казачьи сотни.

Беспощадная сеча переходила в заключительную фазу – охоту за пленниками. Редкие островки сопротивления постепенно исчезали под смертоносными молниями сабель охочей до добычи казачьей голоты. То там, то здесь были видны спешившиеся сечевики, обшаривающие трупы в поисках перстней, монет, снимающие драгоценное оружие и доспехи. Но один «остров» все еще продолжал держаться. Над ним реяла хоругвь Юлиуша Стамбрусского, и волна за волной атаки разбивались о непреклонную храбрость подкомория и его драбантов.

– Расступись! – пронеслось над полем, и я вовремя отпрянул.

Мимо меня, горяча коня в галопе, промчался Дмитрий

Вишневецкий, склонив перед собой длинную пику. Двухцветный треугольный вымпел плескал на ветру, мельтеша перед глазами противника и мешая целиться. В этот миг мне почудилось, что я нахожусь не в стране, именуемой на европейских картах Украиной, а где-нибудь на благословенных полях Франции. Причем века на два ранее.

Навстречу князю, точно так же склонив древко, мчал пан Юлиуш собственной персоной. Вскоре они встретились, пики ударили в щиты и разлетелись. Кони пронесли наездников так близко друг к другу, что они вполне могли обмениваться приветствиями после долгой разлуки. Всадники развернули скакунов и, обнажив сабли, вновь помчались навстречу друг другу. Вокруг все замерло. Те, кто оставался сейчас на поле, прекрасно осознавали, как много зависит от фехтовального искусства обоих вождей. Окажись Юлиуш Стамбрусский ловчее, и потрепанные остатки польского отряда без помех ушли бы, ощущая себя победителями.

Клинки зазвенели и закружили в стремительной кадрили, выискивая лазейку в обороне противника. Я невольно залюбовался, глядя, с каким мастерством оба бойца раздают удары и защищаются от атак. Но военная удача в этот день была на стороне Вишневецкого, и его противник, уже изрядно утомленный, заметно терял силы. Наносимые им удары становились все медленнее. Парировав один из них, Вишневецкий ушел под руку подкоморию и, перехватив того поперек корпуса, рывком выбросил из седла.

Неподвижная до той поры шляхта тут же с воём ухватилась за оружие, спеша помочь своему поверженному командиру. Гетман наклонился, пытаясь ухватить поднимающегося с земли соперника, и в этот миг у самого моего уха раздалась четкая команда:

– Пли!

От неожиданности я отпрянул в сторону. Слитный залп пяти десятков пищалей смел передний ряд жолнеров, точно буря – ветхий забор. Конь Вишневецкого поднялся на дыбы, едва не сбросив седока.

– Ты что творишь, пес смердящий?! – рявкнул князь, на силу успокаивая арабчака.

Только сейчас я увидел стоящего неподалеку Штадена с дымящимся пистолем в руке.

– Негодяй, ты же убил его!

– Я спасал вашу жизнь, – не меняясь в лице, возразил опричник. – Таков приказ государя.

– Проклятие! – выругался гетман и, пришпорив коня, помчал туда, где, склонив голову, бросали наземь оружие оставшиеся в живых драбанты.

Жаркое солнце встало над Далибожем, глядя из точки зенита на поле отзвучавшей битвы. Теперь все здесь дышало своей несуетливой, почти будничной жизнью: как безумные стрекотали кузнечики, отсидевшиеся в камышах утки начинали облет своей территории. Посадские копали ямы для мо-

гил, казаки стаскивали в кучи захваченную добычу для грядущего дележа, попы и ксендзы готовились отслужить совместный молебен над будущим захоронением. Одному Богу было ведомо, к какой вере принадлежали те, для кого зияла черной пастью вырытая могила.

Вопреки бытующему мнению о том, что Польское королевство испокон веку было католической державой, все обстояло не совсем так. С приходом к власти династии Ягеллонов, происходившей от изначально православного князя Ягайло, в Польше воцарилось двоеверие и, как ни странно, веротерпимость. Хотя сам Ягайло для вступления на трон принял католичество, православие еще долго удерживало свои позиции в этой части Европы. Так, в землях Великого Княжества Литовского назначаемые Римом епископы предпочитали не появляться вовсе, поскольку всех живущих здесь католиков можно было без труда собрать в одном храме. И лишь когда Польша едва не стала одним из центров лютеранства, спохватившийся Ватикан прислал туда свой передовой отряд, несокрушимое воинство Иисусово – иезуитов. С тех пор католичество прочно укрепилось в Речи Посполитой и подмяло под себя все прочие религиозные верования. Но сюда первый десант иезуитов прибыл менее года назад, и посеянное ими «разумное, доброе, вечное» еще не дало своих ужасающих всходов.

Сейчас в единой могиле лежали шляхтичи всех вероисповеданий, и местные священники, каждый по своему веро-

исповеданию, творили над ними заупокойную молитву. Но прах к праху, а живым надо было разбираться с живыми.

Оплакав смерть Юлиуша Стамбрусского, Вишневецкий, мрачный, словно грозовая туча, шагал перед отрядами пленных, распределяя их на три неравные группы. В первой стояли все те, кто выжил в последней схватке вокруг хоругви. Им было позволено, сохранив оружие, вернуться восвояси. Вторым – их было больше – сведущий в делах польской знати гетман с точностью кассового аппарата называл сумму выкупа. Последние, не выделявшиеся ни доблестью, ни богатством, были назначены в дар царю Иоанну. Этим было подавляющее большинство.

Понятное дело, сопровождать пленных должен был отряд Штадена. После боя гетман, и без того не жаловавший опричника, и вовсе с трудом терпел его. Крайним сроком отбытия было названо следующее утро, а когда бы позволяли законы вежества, князь выгнал бы кромешников в обратный путь и на ночь глядя.

Поэтому я несколько удивился, когда сотник появился в моей убогой камерке и, взяв меня под локоть, сообщил:

– Вы едете с нами.

Честно говоря, после моего полета и удачного снятия осады я надеялся и дальше держаться возле Вишневецкого. С легкой руки Костяной Ноги я уже начал становиться здесь признанным колдуном, а намерение царя отправить моего высокого покровителя воевать в Ливонию позволяло без

особых хлопот добраться до того места, где был засечен последний сигнал «дяди».

– С вами? – не скрывая удивления, переспросил я.

– Да, – кивнул мой собеседник. – И вам следует этому радоваться.

– Отчего вдруг? – Я пожал плечами. – Насколько я знаю, мой дядя чем-то прогневил великого государя и пропал без вести. Теперь ярость правителя может обрушиться на меня. А как мне рассказывали, в гневе он страшен. Я готов рисковать своей головой в бою, но сложить ее на плахе невесть почему...

– Слушайте меня, Вальтер, и молчите о том, что сейчас услышите. Вам не следовало приезжать на Русь. Но уж если вы это сделали, то благодарите Господа за то, что он свел вас со мной. Царь действительно жаждет видеть Якоба Гернеля живым или мертвым, и по его приказу, любой, кто знает, где скрывается беглый астролог, и всякий, кто причастен к его делам, должен быть доставлен пред царские очи. Тот, кто станет укрывать означенных людей, будет предан пыткам, а затем казнен без разбора звания и чина. Князь Вишневецкий знает о том не хуже меня, а теперь и вас. Пытаясь уберечь вашу голову и не потерять свою, он шлет вас за себя, дабы сопроводить полон. С его стороны это мудро. Весть о победе над ляхами и крымчаками может умиловить царя, а затем князь прибудет в Москву самолично, будет назван воеводой большого полка и сможет, как он думает, вытребовать вас к

себе. – Штаден сделал паузу, чтобы оценить мою реакцию.

Я молча слушал опричника, не мешая ему говорить.

– Так вот, Вальтер. Ему не удастся вас спасти. Царь не доверяет Вишневецкому. И даже если бы вы не были племянником Якоба Гернеля, его величество не стал бы усиливать гетмана столь заметной фигурой, как вы.

– Царь не доверяет Вишневецкому и в то же время назначает его воеводой большого полка? – Я удивленно поднял брови.

– Именно так, – кивнул мой собеседник. – Но, заметьте, не куда-нибудь, а в Ливонию.

– Я не вижу в этом ничего странного – его полководческий дар известен по всей Европе.

– Да, но ливонские бароны намного менее опасны, чем, к примеру, крымский хан или король Сигизмунд. А царь не без основания полагает, что именно в Ливонии Дмитрий проявит себя более всего.

– Почему?

– Потому что там у него есть личные интересы.

– И что же это?

– Кто, – усмехнулся Штаден. – Это женщина!

– Вы полагаете, что в нашем просвещенном шестнадцатом веке есть место рыцарству?

– Образчик оного вы наблюдали сегодня на поле боя, – пожал плечами опричник. – Но есть женщины, достойные рыцарского подвига, а есть те, из-за которых ведутся насто-

ящие войны. Это одна из них.

– Неужели?

– Вы наверняка слышали о ней. Это Катарина Ягеллон, сестра нынешнего короля Речи Посполитой, Сигизмунда II Августа. Когда-то она была увлечена Вишневецким, и поговаривали, что стала его возлюбленной. Князь просил ее руки, но получил отказ. Король считал более выгодным отдать сестру за брата шведского короля. Теперь ее муж, герцог Юхан, правит Эстляндией и южной частью ливонских земель. Именно после этого отказа гетман со всем своим войском перешел под знамена русского царя. Теперь у него появится шанс сделать бывшую возлюбленную молодой вдовой, и, готов поспорить, он его не упустит.

– Романтическая история. Наши пражские кумушки были бы от нее в восторге.

– И не только пражские, – согласился не склонный к сантиментам вестфалец. – Но это еще не все. У Сигизмунда нет прямых наследников, а его здоровье не позволяет думать, что таковые появятся. Поэтому скорее всего новым королем станет муж одной из его сестер. Но супруг первой из них, Анны, – какой-то трансильванский воевода Иштван Батори. А Катарина... Попробуйте догадаться, кого изберет сейм: никому не ведомого трансильванского выскочку или, предположим, гетмана из рода Гедимины, за которым стоит огромная золотая казна и тысячи весьма острых сабель.

– Догадался.

- Поэтому, как вы сами понимаете, царь Иван не слишком доверяет такому вассалу. Он полезен, пока не опасен.
- Разумная предосторожность, – согласился я.
- Из этой предосторожности царь приказал следить за Вишневецким. И теперь он знает, что тот был последним, с кем общался ваш дядя в ночь своего исчезновения.
- Он что же, замешан в эту историю?
- Не знаю, не знаю. – Штаден развел руками. – Но вместе с ним исчезла еще одна вещь...
- Что же это? – презрительно скривился я, демонстрируя полную несусветность подобных обвинений.
- Шапка Мономаха!

Глава 7

Зачастую победа создает более проблем, нежели решает.

Мориц Саксонский

Толпа пленников, бредущая сейчас по щиколотки в пыли разбитым Московским трактом, мало напоминала то блестящее воинство, которое всего несколько дней назад подступило к стенам Далибожа. Когда лихим казакам, превозносившим свою оборванность как знак высокой добродетели, наступал час принаряжаться, лохмотья уступали место шелкам и бархату, златотканым восточным кушакам и драгоценным камням. Но поскольку портных и ювелиров в казачьих отрядах было до обидного мало, все, что красовалось на них, выглядело скорее выставкой боевых трофеев, чем образцом хорошего вкуса. Только недюжинная физическая сила помогала этим молодцам таскать на себе десятки перстней и браслетов, тяжеленные золотые цепи и прочие украшения, и все это – не считая кольчуг, сабель, кинжалов, пистолей. Но у пленных найти что-либо ценнее нательного креста никто не стал бы рассчитывать. Движимые христианским милосердием победители не оставили пленников нагими и, дабы не смущать встречных барышень, выделили им от щедрот то, что между собой уже считали обносками. Поэтому

теперь вид колонны был столь плачевен, что даже нищие готовы были поделиться с бедолагами куском честно выпрошенного хлеба.

Мы с Лисом ехали шагом впереди медленно бредущего полона.

– Капитан, хоть в мусульмане меня окрести, я не врубаюсь, как ты общаешься со всеми этими феодальными недобитками. Это ж жлобье какое-то!

С того момента, как мы покинули крепость, мой напарник только и твердил о заведомой обреченности привилегированного класса в целом и его отдельных представителей, в лице Вишневецкого, в частности.

– Горбатишься тут, спасаешь отечество, а где обещанное спасибо в его материальном воплощении?! – Возмущению моего друга не было пределов. – И это – Байда!.. Нет, таки не по пути аристократии с мировым прогрессом!

Насколько я знал Лиса, в данный момент Московской Руси угрожала опасность, сопоставимая с внеочередным набегом татар. Он искренне страдал от несовершенства мира и жаждал исправить его любыми подручными средствами.

– Я шо его, за язык тянул? Сам же обещал, если вы вчера нарисуетесь – Далибож наш. Поматросил и бросил!

Эту историю я слушал уже в – надцатый раз и потому сейчас лишь согласно кивал головой. Когда Лис явился за выигрышем, князь отсыпал ему ковшик серебряных рублей и велел отправляться вместе с караваном, дабы беречь мою пер-

сону. Уж и не знаю, что, собственно говоря, Сергей намеревался делать с крепостью, но сам факт утраты оной был для него нестерпим.

– Послушай, – начал я, пытаюсь отвлечь друга от планов мести. – Зачем тебе крепость? У нас здесь совершенно другие задачи.

– Шоб-то ты понимал! Это ж у тебя в замке для каждого привидения личная комната с теплым сортиром полагается, а там, где я вырос, даже собственную тень некуда было пристроить. Считай, только пол и потолок не совмещенные. Короче, босоное детство, чугунные игрушки, гвоздями прибитые к потолку, коляска без дна, памперсы из стекловаты... А теперь представь себе, как вытянулась бы физиономия лица далибожского мэра в нашем мире, когда б я сунул ему под нос дарственную на все эти земли со строениями и угодыями, подписанную лично Байдой-Вишневецким!

– Я думаю, на таких условиях этот вопрос можно решить, – усмехнулся я. – А сейчас давай вернемся к нашему заданию.

– Давай вернемся, – согласился Лис. – Но помни, ты обещал.

– На повестке дня две новости, – начал я. – Во-первых, позавчера утром база засекла выход в эфир маяка «дяди Якоба», а во-вторых... – Я замаялся. – Как сообщил Штаден, лорд Баренс обвиняется в похищении шапки Мономаха.

– Ни фиги себе раскладец... – присвистнул Лис. – Мы не

ищем легких путей! А чего-нибудь попроще он попятить не мог?

Я невольно оскорбился за своего наставника.

– Лис, не забывай, что речь идет об английском лорде.

– Да хоть три раза лорде и два раза пэре. После того кидалова, которое мне устроил Вишневецкий, я утратил веру в голубую кровь. – Он сделал паузу. – Надеюсь, ты правильно меня понял.

– Ну знаешь ли... – возмутился я. – Воздержись от обобщений. Да и к чему Джорджу Баренсу шапка Мономаха?

– Шоб голову не напекло. А если серьезно – ты ж, когда Генрихом Наваррским работал, Отпрыску на день рождения орден Святого Духа за номером два притарабанил.²¹ Тоже, я тебе скажу, не слабый подарок. Может, и Баренс решил отличиться.

– Я, между прочим, этот орден получил на поле боя.

– Ой, не смейся мои тапочки. Полюбить – так королеву, воровать – так миллион! Кстати, там у вашей королевы юбилея, часом, не намечается?

Я возмущенно фыркнул, оценив намек Лиса.

– Что за ерунда. К тому же, если бы он похитил шапку Мономаха для подарка в нашем мире, с какой стати бы ему исчезать?

– Тогда есть другая версия. Твой «дядя самых честных

---

²¹ Более подробно об этом случае читайте в книге В. Свержина «Чего стоит Париж».

правил» решил по-тихому свалить из конторы. А так как «кушать хочется всегда», отмутил царский венец. Ежели его на черном рынке даже за полцены загнать, то детям и внукам на шелковые подгузники хватит. Кстати к вопросу о детях... – Сергей остановился. – Хорошо бы выяснить, не было ли у твоего породистого «дядюшки» зазнобы в Москве. Может, седина в бороду – бес в ребро? Надо пробить по институтской базе данных, возможно, он сообщал что-нибудь о вербовочных контактах в зарослях вербы.

– Может быть, – медленно проговорил я, обдумывая услышанное. – Насколько мне известно, лорд Джордж не слишком склонен к романтическим чувствам, но чем черт не шутит. Попробую спросить у Штадена. Возможно, он знает о связях моего «родственника» больше, чем тот сообщал в центр.

Стук копыт за спиной заставил нас обернуться. Вряд ли кому-то могла прийти в голову идея напасть на опричников и конвой, сопровождающий дары русскому царю. Но после таинственного появления у стен Далибожа польского войска ожидать можно было всего. Однако всадник, догонявший нас, отнюдь не принадлежал ни к разбойному люду, ни к чужому воинству. Впрочем, сказать, что я был рад его видеть, значило бы покривить душой. Гонта, а это был именно он, по приказу Вишневецкого отвечал за сохранность подарков, которые щедрой рукой слал в Москву повелитель степной уkraine. И то ли мы с Лисом значились в числе подарков, то

ли князь нашептал что-то на ухо своему верному соратнику, но теперь казачий ватажник следовал за нами как тень, не спуская глаз.

– Привал, – заорал он, для убедительности размахивая плетью.

– Привал так привал, – вздохнул я, останавливая коня.

Солнце висело в зените и, пользуясь господствующей высотой, посылало на наши головы тысячи прицельных лучей, без промаха бивших в темечко. Всей-то тени было – только у нас под ногами, но укрыться в ней не представлялось возможным. Привычные к местному климату казаки и одетые в рванину пленники довольно непринужденно расположились на обочине, собираясь варить, как выражался Лис, «суп из топора». Но мне, одетому в плотный кожаный дублет, приходилось обливаться потом так, что к концу поездки ни о каком лишнем весе не могло быть и речи. Как говорится, положение обязывает. Не пристало дворянину ездить полуголым, точно разбойнику с большой дороги.

Отойдя в сторону, мы с Сергеем укрылись наконец в тени толстого дуба и, продолжая неспешную беседу, стали наблюдать за работой кашеваров.

– «Дядя», конечно, подложил нам свинью, – продолжал я, вспоминая вчерашний разговор со Штаденем. – И все же я отказываюсь понимать действия Баренса.

– А шо тут понимать? – Лис отмахнулся от назойливой

мухи и закрыл козырьком ладони глаза от палящего солнца. – Склептоманил твой «родственничек», шо плохо лежало и хорошо блестело. Вот и вся любовь.

– Да нет. – Я покачал головой. – Лежала шапка Мономаха хорошо, можно сказать, очень хорошо. И стража вокруг стояла – воробей за версту от нее чихнуть боялся. Как вдруг посреди ночи откуда ни возьмись «чудище каменное от земли двух сажений, обликом грозное и нравом ярое», – я процитировал слова опричного сотника, – разметало стрельцов, точно кегли, вышибло двери, железом окованные, из сокровищницы царский венец умыкнуло и невесть куда сквозь дыру в стене, им же проделанную, с оным подалось.

– Что ж не проследили? – поинтересовался Сергей.

– Пули и стрелы на чудище действовали не больше, чем комариные укусы. Гнаться же не получилось – от ужаса дикого оторопь на всех напала. И все же это нелогично – если Баренс решил сбежать из института, он должен был предполагать, что на его поиски будет отправлена специальная группа. Да и здесь царская корона – не пригоршня червонцев. Тут, как говорится, будет задействована вся королевская конница и вся королевская рать.

– Да ну, скажешь... Баренс же не сам копилку потряхнул, а послал какого-то мелкого тролля. Кстати, непонятно, откуда он его здесь выкопал и какими бубликами приручил. Ну, предположим, оказался тролль эстетом, шо уж тут попишешь. Может, дядя Джо велел ему золота черпануть сво-

ими ладошками-ковшиками, а он сувенир на память приволок. Да и вообще, кто решил, что его послал Баренс? Может, шел себе тролль по Москве, зашел на огонек, а там премудрый Якоб Гернель, как водится, золотишко из ртути варит. Схарчил монстер твоего «родственничка», надышался парами, возбудился на золото и попер, шо троллей-бас, в смысле, басовитый тролль, по маршруту.

– Как ты можешь? – Я покачал головой. – Речь идет о нашем сотруднике, наставнике и друге. Но можешь не сомневаться, я задал Штадену вопрос о том, почему нападение «каменного гостя» на царскую сокровищницу связывают с исчезновением Якоба Гернеля.

– И что он?

– Оба стражника, приставленные к лаборатории, были опоены сонным зельем и проспали бы даже конец света, случись он той ночью. А вот среди бумаг, оставленных премудрым астрологом, оказалось нечто вроде чертежей этого самого чудища.

– Стало быть, тролль отпадает?

– Стало быть, так.

– Ну, тогда... «Это же элементарно», как говорил твой великий соотечественник Шэ. Холмс. Нам остается только опросить местное население, буквально – народ, чтобы узнать, не видел ли кто алхимика в шапке Мономаха с двухсаженным каменным жлобом под руку. Мне жуть как интересно узнать, куда он планирует сбыть этот чепчик.

– Лис! – возмутился я, возможно, из врожденного почтения к коронам. – Между прочим, этот «чепчик», как ты выразился, – ваше национальное достояние.

– Да знаю я, – скривился напарник и продолжил тоном экскурсовода: – По легенде, этот головной убор подарен Владимиру Мономаху его дедушкой – византийским императором Константином IX. Так сказать, от деда Кости дорогому Вовочке в светлый день на именины. Правда, наши историки утверждают, шо соболя на шапке наши, исконно-посконные, а золотой колпак с камнями вообще сварганили в одноименной Орде. Такой вот символ государственности.

– Ты ничего не путаешь? – невольно перебил я друга. – Как это можно – не отличить работу византийских мастеров XII века от работы ордынских умельцев, работавших минимум двумя веками позже.

– Капитан, не грузи. Я за шо купил – за то продал. Ты помнишь, кем я до института работал? Так вот различные правительственные делегации по кремлевским музеям и выставочным залам я могу водить не хуже гида. Мне одних только заезжих президентов семь штук охранять довелось, а уж канцлеров с премьерами и туземными вождями – и вовсе несчетно.

Излияния моего друга могли продолжаться еще долго. Годы, проведенные в знаменитой «девятке», занимавшейся охраной первых лиц государства и почетных гостей оного, оставили старшему лейтенанту Лисиченко множество весь-

ма колоритных воспоминаний. Но сейчас его воспоминания были бесцеремонно прерваны жизнерадостным «Мяу!». Если бы уссурийские тигры умели мяукать, их мартовский вопль вполне мог походить на то, что в данный момент раздалось у нас над головами. Лошади, пасшиеся неподалеку, испуганно присели, а расположившиеся на отдых казаки вскочили на ноги, хватаясь за оружие. Но более в наступившей тишине не раздалось ни звука. И только мы с Лисом увидели среди ветвей раскидистого дуба черную кошачью морду величиной с ушастый футбольный мяч. Кот смерил каждого из нас пристальным взглядом, заговорщически подмигнул и, указав лапой в направлении леса, исчез среди листвы.

– Вот тебе, бабушка, и лукоморье. – Лис удивленно посмотрел на меня. – Капитан, похоже, нас с тобой приглашают в гости.

Самоходная изба восседала на массивном стволе вывороченного некогда бурей дерева. Одна ее нога была страдальчески выдвинута вперед и стянута в лодыжке березовым лубком, перемотанным свежим лыком. Вокруг импровизированного кресла сутился местный леший, сглаживая малейшие сучки и старательно подкладывая ароматное сено под раненую ногу. Избушка недовольно поскрипывала, жалобно пыхла и отдувалась темными облачками дыма каждый раз, когда Баба-Яга, шепчущая заклинания, взмахивала руками. Мне пришлось кашлянуть, обращая на нас внимание пожи-

лой леди, но это оказалось лишним.

– Бабуля! – грянул Лис, раскидывая руки для объятий. – Пади ко мне на грудь! Забудь про трудовые мозоли своей жилплощади! Войдем в избу, не дожидаясь пожара, хлебом кваску и мигом все уврачуем.

Баба-Яга расплылась в улыбке, в сравнении с которой изображение на табличке «Не влезай, убьет!» выглядело нежной пастушкой.

– Ястреб мой остроклювый! – нежно проворковала Баба-Яга, всплескивая руками. – А мне сказывали, будто изранили тебя. А ты вон орел орлом!

– Лис лисом, – гордо поправил мой напарник. – А зажило все шо на собаке – прикинь, какой парадокс!

– Ну, заходи, заходи в дом, касатик.

Я невольно почувствовал себя лишним, но тысячетлетняя старуха, наконец удостоив меня вниманием, осведомилась не слишком любезно:

– А ты чего идолом застыл? Тоже сюда ходи.

Между тем Сергей уже подошел к крыльцу и, поглаживая широкой ладонью перила, сочувственно проговорил:

– Упала, милая?! Зашиблась?

Избушка вполне явственно подалась навстречу моему другу, встряхиваясь, точно приводя себя в порядок. Казалось, будь у нее ухо, она бы без промедления подставила его для ритуального почесывания.

Спустя несколько минут мы уже сидели за празднично накрытым столом, и Баба-Яга, все еще не наглядевшись на милого дружка, обратилась ко мне с явным недовольством:

– Ступа на тебя жаловалась, вахлак ты нерусский! Баяла, сквозь стены на ней проходил. Ты пошто невинную обидел? Пошто несуразицу злую сотворил?

– Это была крыша, – попытался оправдаться я. – Соломенная крыша.

Но хозяйка, кажется, не слишком была настроена выслушивать мои объяснения.

– Один разор от тебя. Изба вон посейчас хромает – насилу вас догнали.

– Да ну, кума! Не журысь – все будет пучком.

– Как?

– Как редиска на Сорочинской ярмарке – дешево и в сметане.

– Побойся Рога! Какие Сорочинцы! Их еще, почитай, лет через сто построят. А уж ярмарка...

– К делу, которым я в данный момент занят, это отношения не имеет, – с пафосом перебил ее Лис и, переходя на свой обычный тон, добавил: – Есть у меня немного чудодейственной мази по рецепту мадам д'Артаньян. Мазнем халабуду по конечности, и у нее вмиг наступит изначальность. Станет лучше новой.

– Ох, не доверяю я зельям заморским. Да и дух их на дух не переносу. И так на Руси уже места не сыщешь, где б чу-

жаком не веяло. Вон этот вот, – она недобро покосилась на меня, – всю округу уксусом провонял.

Я невольно оскорбился. Да, при изготовлении дублетов, своеобразных кожаных доспехов-стеганок, использовалась вымоченная в уксусе овечья шерсть, призванная смягчить получаемые удары. Не будь уксуса, подкладка мгновенно превратилась бы в обиталище блох и прочих тому подобных насекомых. В институте вместо шерсти использовался кевлар, но обработка уксусом была оставлена, чтобы не привлекать внимания аборигенов отсутствием привычного запаха. Но, во-первых, ту же технологию использовали и на Руси, а во-вторых, я носил этот дублет уже четыре года, и почувствовать запах уксуса можно было, только сунув чей-то длинный нос под самую подкладку. Однако, вспомнив, как во время рейда в ставку Пугачева Бабуся-Ягуся учуяла слабую примесь шотландской крови в моих жилах, я сдержал возмущение и лишь осведомился сухо:

– Вы гнались за нами на хромой избушке, чтобы сообщить, как неприятен мой запах?

– Да ты не горячись, яхонтовый, – примирительно вздохнула она. – Вестимо, не в том печаль. Вы-то люди необычные, нездешние, и коли уж в наших местах объявились, то, видать, от дальнего пламени дымком потянуло. Вот я и подумала, раз уж я с вами вроде как в друзьях хожу, то, может, сгодится вам на что словцо далекое, из новгородской земли сорокой на хвосте принесенное.

Мы с Лисом переглянулись. Место последнего выхода в эфир лорда Баренса было как раз на границе новгородской земли и Ливонии. Но вряд ли наша милая хозяйка знала о цели институтской операции. Произведенный эффект явно порадовал сказительницу, и она продолжила:

– Ежели не запамятовали, в прошлую нашу встречу поведала я о железном соколе – храбром князе Рюрике.

– Было дело, – кивнул я.

– Так ныне, сказывают, объявился сей Рюрик в Новограде. Пришел по Волхову-реке на кораблях с воинством. Да под свою руку весь край и взял. Горожане на Софии в колокол ударили да на вече князем его признали. Молва идет, что лицом он пригож, ростом высок да статен. А по храбрости и силе – ни дать ни взять конунг варяжский. Поклялся сей Рюрик вольности новгородские и псковские свято почитать и прочим городам Руси от злого царя-кровопийцы волю дать. Нынче в тех местах он быстро шагает, и многие бояре и дети боярские, стрельцы и дворяне к нему на поклон идут. Всякого люда с ним несчетно – из чужих краев, из тутошних. Величает его народ с почтением, как есть – Железным Соколом.

– Очередной Пугачев. – Лис с тоской поглядел на меня. – Ох и везет нам с тобой на самозванцев.

Я принял вид знатока и собрался пояснить напарнику, что мы имеем дело со случаем довольно уникальным. Во-первых, почитание династии Рюрика было столь велико, что до-

селе на Руси не было ни одного самозванца. Во-вторых, его пришествие было тщательно подготовлено, чтоб не сказать – срежиссировано. Здесь имелся полный набор дешевых трюков, безотказно действующих на воображение толпы, небалованной средствами массовой информации. Тут и таинственная находка древнего идола, и чудо с его нетленностью, и прелестная легенда, отсылающая слушателей к истокам и корням. К тому же я, как ни силился, не мог вспомнить ни одного подобного случая в сопредельных мирах, вплоть до Смутного времени, до пресечения прямой царской династии Рюриковичей. Я уже открыл было рот, чтобы рассказать об этом напарнику, но тут же закрыл его, пораженный неожиданной мыслью.

– Простите. – Мои слова были обращены к Бабе-Яге. – В прошлый раз, перед тем как доверить мне ступу, вы говорили, что в тех краях вы встречали запах, похожий на мой.

– Так оно и было, – согласилась хозяйка.

– Это, вероятно, был кто-то из заморских наемников?

– Э нет, голуба! Ты мне, старой, колокола-то не лей.²² Нечто я свейский али ливонский дух от вашего, приبلудного, не отличу?

– Стало быть, вон оно как.

Мы с Лисом многозначительно переглянулись.

– Сыскался след Тарасов!

---

²² «Колокола-то не лей» – по традиции, во время отливки колокола «для пушечного звона» полагалось рассказывать небылицы, обманывать друг друга.

– Уж Тарас там или не Тарас – о том не ведаю, а только верно говорю: вашего он роду-племени. А народу, – она пристально глянула на меня, – как есть твоего.

– Ну шо. – Лис положил руку мне на плечо. – История болезни ясна – мания величия с элементами мании преследования. Щас дергаем или как?

Глагол «дергать», как, впрочем, и многие другие глаголы, в устах моего друга редко обозначал действие, прописанное в толковых словарях. Скорее всего сейчас он предлагал оставить медленно бредущий конвой и устремиться прямо к Новгороду, конечно, насколько это позволяли русские дороги.

– Нет, – покачал головой я. – Если мы уедем сейчас, то наверняка за нами будет отряжена погоня. Это ни к чему. Москва – город большой. Там нас никто не знает – легче будет затеряться и, как ты выражаешься, слинять.

– Ой, так вы в белокаменную едете? – всплеснула руками Баба-Яга. – Вот удача-то. А у меня там братец сродный проживает. Дедом Бабаем кличут, может, слыхали?

– А то, – взбодрился Лис.

– Так я уж гостинчик ему снаряжу – лукошко мухоморов сушеных. Передайте, коли не в тягость.

– Чего ж не передать мухоморов любимому с детства герою! Ты, если что, и поганок добавь побледнее, я тоже передам.

Он хотел еще что-то сказать, но речь его была заглушена

крупно-кошачьим рыком и последовавшим за ним воплем ужаса.

– А вот это, кажется, наш котик Баскервилей, – вскакивая с места, выдохнул Лис.

Глава 8

*Никогда не показывайте карточных фокусов
тому, с кем намерены играть в покер.
Закон Мэверика*

Доносившийся из лесу крик превратился в глухое рычание, к которому примешивалось кошачье шипение и какой-то сдавленный хрип.

– Ой! – Старуха выскочила из-за стола точно ужаленная. – Какая ж погань котейку забижает?

Она повела недобрым взглядом в поисках то ли метлы, то ли ухвата, то ли еще какого орудия расправы.

– Бабуля, – Лис украдкой бросил на меня быстрый взгляд, – стойте здесь, мы все уладим. Не изводите себя так.

С этими словами он выскочил из избушки и одним прыжком оказался на земле. Я немедленно последовал за ним.

– Кота Жмуриком зовут, – вслед нам прокричала Баба-Яга. – Все время жмурится.

Последние слова мы едва расслышали, поскольку опрометью неслись через лесное буреломье к источнику тревожных звуков.

– Мы вовремя, – крикнул Лис, выскакивая из кустов на крошечную полянку, вытопанную следами ожесточенной борьбы.

На земле, рыча от боли и ярости, лежал Гонта. Его мускулистые руки крепко сжимали горло огромного, величинной поболее крупной рыси, кота. Тот злобно скалил острые клыки и все глубже вдавливал когти в окровавленные плечи поваленного казака. Будь на месте кота человек – стальной захват ватажника уже давно заставил бы его хрипеть от удушья, выкатывая глаза. Но густая шерсть и складки кожи на шее животного мешали пальцам дотянуться до гортани. С другой стороны, окажись вместо Гонты кто-нибудь более слабый – к нашему появлению «жмуриков» на поляне было бы уже два.

– Кыс-кыс-кыс. – Лис присел на корточки и стал аккуратно приманивать рассвирепевшего зверя. – Иди ко мне, Жмурик. Иди, мой Жмуреночек.

Голос его звучал нежно, но убедительно, как у воспитательницы детского сада, требующей от малолетнего бедокура не бить сверстников по голове лопаткой.

Мрачный огонь в глазах свирепого животного сменился обычным глумливым выражением, но Гонта все еще не торопился разжимать мертвую хватку.

– Эй, служивый, кончай обниматься. – Лис присел над казачьим атаманом. – Ты пошто, боец, животину тиранишь?

Глядя на нас, Гонта с явной неохотой разжал тиски сведенных пальцев, а огромный кот, оставив упущенную добычу, пулей взлетел на ближайшее дерево и, обведя благородное собрание недоуменным взглядом, начал с остервенением

вылизываться, стараясь избавиться от посторонних запахов.

– С нечистью водитесь, – угрюмо процедил потерпевший, поднимаясь с земли и отталкивая руку Лиса, протягивающую сорванный лист подорожника.

– Кабы не велел Байда вас стеречь...

– Не кочевряжься. – Лис снова протянул зеленый лист казаку. – Уйми кровь.

– Мне ваше ведовство ни к чему. Мне крестная сила помогает, – огрызнулся Гонта.

– Крестная сила... – хмыкнул Сергей. – А какого лешего тебя за нами потянуло?

Казак молча сплюнул под ноги, утер ладонью кровь с расцарапанной физиономии и, повернувшись, зашагал через кусты. Он совсем уже было скрылся из виду, когда вдруг, оглянувшись, жестко отрезал:

– Удумаете бежать – жив не буду, а вас изловлю.

Вид, открывшийся с холма, завораживал. Еще минуту назад казалось – не будет конца и края лесам, наполненным волчьим воем, и болотам, исторгающим из недр своих миллиарды тонко пищащих кровососов. И вот теперь... Словно чудо, содеянное могущественным чародеем, предстал нашим взорам окруженный тройным кольцом стен величественный город. Сотни улиц сбегались ручьями к его центру, где посреди холма высился мощный замок, именуемый затейливым словом – Кремль.

Когда бы сейчас перед рвом замка вдруг оказался какой-либо итальянец этой поры – одного взгляда ему было бы достаточно, дабы определить, что крепость принадлежит гибеллинам.²³ Вряд ли, конечно, об этом подозревали московские великие князья, с недавних пор начавшие величать себя царями. Но итальянец Марк Фрязин, выстроивший эти стены, делал свое дело так, как учили его на далекой родине.

Однако у меня вид стольного града вызывал свои воспоминания. Когда-то из этих мест начинался долгий путь в Америку – Русь Заморскую молодого флигель-адъютанта Екатерины Великой и, по совместительству, «особы, приближенной к императору» – Емельяну Пугачеву. Для меня та операция была первой, для Лиса – второй, а руководил этой работой наш теперешний фигурант – лорд Джордж Баренс.

Была еще одна причина, делавшая Москву городом, близким всякому истинному британцу. Любой образованный житель нашего острова знает, что столица нынешней России основана внуком последнего короля саксонской династии, Гарольда, убитого в битве при Гастингсе. Меня всегда удивляло, что русским историкам этот момент не слишком известен, однако дело обстояло именно так. После знаменитой битвы, приведшей на землю Британии армию Вильгельма Завоевателя, жена Гарольда, Эдит Лебяжья Шея, с детьми спаслась. И спустя два года, пережив множество злоключе-

---

²³ Гибеллины – партия, боровшаяся за влияние в средневековой Европе с партией гвельфов.

ний, она и две ее дочери оказались при дворе их родственника – короля Дании Свена II. Здесь одной из них – юной бесприданнице Гите – несказанно повезло. Вместо монастырской кельи, которая ждала принцессу-изгнанницу, ей была уготована более счастливая участь – она вышла замуж за внука византийского императора, великого князя Владимира Мономаха.

Здесь стоит упомянуть яркий образец широты русской души. Дело в том, что браку Гиты споспешествовала жена датского короля, дочь Ярослава Мудрого, Елизавета Ярославна. Лишь за год до этого она сняла траур по своему первому мужу – королю Норвегии Харольду Суровому. Этот король, бывший некогда соратником Ярослава Мудрого, затем известным пиратом, а затем еще более известным византийским полководцем, был убит на земле Англии отцом Гиты. Но Елизавета, отказавшись от мести, взяла на себя заботу о беглянке и выдала ее замуж за своего родича. Правда, некоторые исследователи считали, что Юрий Долгорукий был сыном второй жены Мономаха, половчанки, однако новые изыскания показали, что основатель Москвы по материнской линии был все-таки англичанином.

Дорога с холма спускалась вниз, и вся длинная колонна нашего конвоя двинулась к воротам, сопровождаемая оглушительным чириканьем великого множества воробьев. Я поделился этим наблюдением с Лисом, но тот лишь пожал пле-

чами.

– Что ты хочешь, Воробьевы горы – они и есть Воробьевы горы. А вон речушку видишь? – Я кивнул. – Это Сетунь, туда дальше, если идти километров... – он задумался, – ... несколько, будет располагаться киностудия «Мосфильм».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.